

ОТРЯД БУДУЩЕГО

Часть первая

18+

Илья Шуличенко

Отряд будущего. Часть первая

«Автор»

2026

Шуличенко И.

Отряд будущего. Часть первая / И. Шуличенко — «Автор», 2026

Во время задания группа военных сталкивается с необъяснимым явлением. Оперативник Василий Смирнов, послушавшись приказа, бесследно исчезает. Спустя несколько дней его сыну, курсанту Дмитрию, приходит официальное уведомление: отец считается погибшим. Но вскоре Дмитрий узнаёт, что работа отца в полиции была лишь прикрытием. Теперь Дмитрию предстоит узнать, чем на самом деле занимался человек, на которого он равнялся, — и понять, готов ли он принять эту правду.

© Шуличенко И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Илья Шуличенко

Отряд будущего. Часть первая

Глава 1

Глава 1. Курсант

Всё вокруг стало расплываться, как мираж. Никто уже не знал, где правда, а где вымысел. Одному казалось, что они идут по городу, другому — что пробираются через скалы. Голос командира из рации, висевшей на бронежилете, прорвал пелену обмана.

— Отходим.

Два члена разведывательной группы принялись отходить обратно к разлому.

— Где Смирнов?

— Я его не вижу.

Внезапно налетел сильный ветер. Что-то неосознанное поселилось в головах, заставляя трястись от ужаса. Ощущение, что кто-то наблюдает за ними, не оставляло ни на секунду. Послышались неразличимые голоса, вой сирен; по земле проскальзывали чьи-то бесформенные, жуткие тени.

— Смирнов! — крикнул командир группы в рацию. — Отступаем.

— Я иду дальше, — раздался твёрдый голос.

— Отставить!

Но ответа не последовало.

— Это приказ, майор. Как понял?

Василий Смирнов выключил свою радиостанцию и, преодолевая жуткую боль во всём теле, двинулся дальше. Из носа текла кровь, в ушах звенело, руки не слушались, тело трясло от перенапряжения. Он был подавлен. Его воля и мысли уже не подчинялись ему. И чем дальше он уходил от группы, тем больше это чувство охватывало его. Но он должен был узнать правду. Это не было геройством, это был долг: долг перед отрядом, перед семьёй и перед всем миром.

Картинка перед глазами стала быстро расплываться. Появился тёмный ореол, опоясывающий всё вокруг и превращающий мир в длинный тоннель с узким выходом. Он незамедлительно сужался. Внезапно перед глазами появились серые точки, а затем всё окончательно погрузилось в кромешную темноту.

За пять дней до событий.

Институт министерства обороны РФ.

Подъём был в шесть утра по расписанию, но Дима проснулся за пять минут до сигнала — как обычно. Он лежал, глядя в серый потолок комнаты, и слушал дыхание сослуживцев. За три с половиной года он выучил эти звуки наизусть: Костик, его сосед слева, дышал ровно и глубоко, как человек с чистой совестью. Рыжий Серёга справа всхрапывал, а потом резко обрывал сам себя, будто удивляясь собственному храпу. Они были привычными, почти родными, но сегодня раздражали. Дима не знал почему, но у него впервые возникло смутное предчувствие.

В коридоре раздался звуковой сигнал, а за ним — громкий голос дневального.

— Курс, ПОДЪЁМ! Приготовиться к утренней физической зарядке!

По голосу Дима узнал Витю Сабикова: громче его никого на курсе не было. Голос что надо, командирский. Если рывкнет на кого, того и гляди оппонент впадёт в ступор.

— Да чё он так орёт! — возмутился Серёга и накрылся подушкой.

Во всех комнатах включился свет. Общежитие № 3 оживило. Из-под каждой двери слышались шорохи одеял, стук ног по полу, зевки и первые сдавленные матюки.

Дима уже стоял у своей табуретки, зашнуровывая берцы. Не потому, что хотел быть первым, а потому, что руки помнили каждое движение.

— Смирнов, ты вообще спишь? — Костик потянулся на койке. — Ты уже с иголки, а мы ещё глаза продрать не успели.

— В армии не спят, — бросил Дима без улыбки.

Костик хмыкнул, но продолжать не стал. Смирнов был не из тех, с кем можно трепаться по утрам.

Октябрьский воздух пах сыростью и прелой листвой — институт стоял на окраине Москвы, окружённый старым парком, где плац выглядел чужеродной бетонной заплаткой. Курсанты строились в шеренги, пар изо рта смешивался с утренним туманом. Дима стоял в первом ряду, правогофланговый — место, которое он занял ещё на первом курсе и никому не уступал. Он видел, как командир взвода скользнул взглядом по строю, на секунду задержался на нём, кивнул почти незаметно. Этого кивка Дима добивался три года, но теперь, когда он был заместителем командира, ничего не чувствовал.

Курс бежал вдоль парка, дыхание сбивалось в общий ритм, берцы впечатывались в мокрый асфальт. Смирнов держал темп, не ускоряясь и не отставая. Его тело работало, как отлаженный механизм: мышцы помнили нагрузку, лёгкие знали, когда делать вдох. В такие моменты он позволял себе думать — не о заданиях и нормативах, а о чём-то другом.

Отец снова приснился ему этой ночью. Не кошмар — просто он стоял в дверях их старой квартиры и молча смотрел. Дима что-то говорил, кажется, оправдывался, а отец всё молчал. Проснувшись, Дима не мог вспомнить, за что именно оправдывался, но чувство неловкости осталось.

Он вспомнил их последний разговор перед поступлением. Они сидели на кухне, отец курил в фортточку, мать запрещала, но он всё равно это делал, когда нервничал. Дима сказал, что идёт в военный институт, а не в полицейскую академию. Отец затаился, выпустил дым и ответил спокойно, почти безразлично: «Это твоё дело».

Он не отговаривал. Не хвалил. Просто сказал — и всё. Но Дима запомнил эту фразу навсегда. Может быть, именно из-за неё он здесь. Не потому, что мечтал о погонах, а потому, что хотел ясности. Чёткой линии между «свои» и «чужие». Той линии, которую отец, кажется, для себя так и не провёл за двадцать пять лет службы в следствии.

— Смирнов! — окрик командира выдернул его из мыслей. — Ты что, уснул? Темп!

Он не сбавлял. Тот просто подгонял отстающих, а крайний — всегда крайний. Дима прибавил, и строй подтянулся за ним.

После пробежки начиналась полоса препятствий. Здесь он был в своей стихии. Рукоход, стенка, ров — Дима проходил всё чисто, без помарок, с той экономной грацией, которая отличает не спортсмена, а природного бойца. Курсанты посматривали на него кто с завистью, кто с уважением. За три года он ни разу не дал повода усомниться в своём первенстве. Но друзей среди них не завёл.

Не то чтобы он избегал людей. Просто не умел поддерживать лёгкий разговор ни о чём. Не обсуждал девушек, не травил анекдоты в курилке, не жаловался на командиров. Когда кто-то пытался сблизиться, отвечал ровно, корректно, но так, что продолжать не хотелось. Смирнова уважали, но не любили. Он знал это, и его это устраивало.

— Смирнов, ты как робот, — сказал ему как-то Костик после очередной тренировки. — Ни одной эмоции. Тебе бы в спецназ — там такие нужны.

— Может, и пойду, — ответил Дима тогда.

Но на самом деле он не знал, куда пойдёт. Армия была не целью, а способом — не быть тенью отца. Если бы он пошёл в полицию, его бы всю жизнь сравнивали: «Смирнов-младший», «сын того самого Смирнова». А в армии он был просто Смирнов, и этого было достаточно.

После занятий все отправились в столовую. Густой гул голосов, стук ложек, запах гречки и тушёнки. Дима сел за дальний стол. Он смотрел на своих однокурсников: они общались, шутили, делились новостями, но он не вливался в их коллектив.

Вечером проходили учения на полигоне. Отработка штурма здания в составе отделения. Смирнов командовал группой, и здесь он преображался. Его голос становился жёстче, движения — точнее. Он видел поле боя целиком, предугадывал действия «противника» и распределял людей так, чтобы не было потерь. Старшина курса, наблюдавший за учениями, сделал пометку в блокноте. Дима заметил это краем глаза, но не подал виду.

Когда один из бойцов замешкался у входа, Дима подскочил к нему и процедил сквозь зубы:

— Ты труп! Ты только что положил всю группу. Встал! Повторил!

Курсант побледнел, но встал. Они повторили манёвр. На этот раз всё прошло чисто. Дима не похвалил товарища — просто кивнул и пошёл дальше. Не жестоким — требовательным. По-другому не умел.

После тренировки, когда остальные пошли к автобусу, Дима задержался на полигоне. Он сидел на пустом ящике из-под снарядов и смотрел, как темнеет небо над насыпью стрельбища.

Он снова вспомнил отца. Вот они вдвоём едут на рыбалку — единственное, что отец позволял себе из отдыха. Вот он учит Диму разбирать пневматический ПМ на кухонном столе. Вот читает газету, хмурится и говорит матери: «Опять эти американцы...». Дима тогда не понимал, почему отец, сам не воевавший, так остро реагирует на военные сводки. Теперь, кажется, начал понимать.

Он думал о том, что ни разу не спросил отца по-настоящему: почему тот не хотел, чтобы сын шёл в армию? Что он видел такого, от чего пытался уберечь? Дима всегда считал, что дело в бюрократии, в коррупции, в вечном противостоянии системы и справедливости. Но теперь ему казалось, что было что-то ещё. Что-то, о чём отец никогда не говорил.

Телефон завибрировал в кармане. Смирнов глянул на экран — «Папа». Он удивился: отец редко звонил сам, обычно они созванивались по выходным перед вечерней поверкой, и то мать напоминала. Дима посмотрел по сторонам и нажал «принять».

— Привет, пап.

— Здоров, сын. Не отвлекаю?

— Нет, я на полигоне, тренировка закончилась. Что-то случилось?

На том конце затянулась пауза. Потом отец сказал — и голос его звучал странно, будто он устал или был чем-то встревожен:

— Ничего не случилось. Просто хотел услышать твой голос. Ты как?

— Нормально. Всё по плану.

— Хорошо. Это хорошо. Слушай, сын... — отец снова замолчал, подбирая слова. — Если вдруг что-то... В общем, что бы ни случилось, помни: я тебя люблю.

— Ты о чём? Что-то случилось? — Дима напрягся.

— Да нет, не бери в голову. Просто старею, наверное. Сентиментальный стал. Ладно, иди отдыхай. Береги себя.

— Ты тоже.

В трубке зазвучали короткие гудки. Дима сунул телефон в карман и почувствовал необъяснимую тревогу. Отец никогда так не говорил. Никогда не звонил просто так среди недели. И эта его фраза...

Он хотел перезвонить, но решил, что это будет глупо. Подумаешь, отец устал на работе. Следователи тоже люди, у них бывают тяжёлые дни. Дима убедил себя в этом и пошёл к автобусу.

Очередное утро выдалось на редкость ясным и холодным. Солнце висело низко над казармами, не грело, но слепило. Плац уже покрылся тонкой корочкой льда — ночью ударил первый заморозок, и теперь бетонные плиты хрустели под берцами. Курсанты выстроились в две шеренги, пар вырывался из десятков ртов, смешиваясь в одно облако над строем.

Дима стоял на своём обычном месте — правофланговый, первая шеренга. Форма сидела безупречно, подбородок задран ровно на тот угол, который требовался уставом. Он чувствовал привычное напряжение в спине и плечах — не от холода, а от собранности. Рядом переминался Костик, шмыгал носом и тихо материл погоду. Дима не реагировал.

Командир взвода обходил строй, зачитывал распорядок дня. Голос его звучал монотонно, как сводка погоды: занятия в аудиториях до обеда, огневая подготовка после, вечером — строевая. Обычный вторник. Дима слушал вполуха: его внимание привлекла фигура, появившаяся из-за угла казармы.

Это был начальник курса, полковник Григорьев. Он шёл через плац быстрым шагом, не глядя по сторонам. Полы шинели развевались, фуражка надвинута низко, так что лица было почти не видно. Но что-то в его походке, в этой неестественной торопливости заставило Диму напрячься. Смирнов знал Григорьева уже три года: тот никогда не спешил, всегда двигался с ленивой грацией старого служаки, который видел, казалось бы, всё и ничему не удивлялся. Сейчас он почти бежал.

— Курс! Смирно! — скомандовал командир взвода и, держа руку у головного убора, строевым шагом отправился на доклад.

— Вольно! — Григорьев махнул рукой, не дослушав доклад. Он встал перед своим курсом и громко сказал:

— Смирнов! Ко мне! Остальным — разойтись по занятиям!

Строй дрогнул. Костик покосился на Диму с немым вопросом, но тот уже шагнул вперёд и чётким шагом направился к Григорьеву. Краем глаза он заметил, как Рыжий Серёга пожал плечами и зашагал в сторону учебного корпуса. Жизнь шла своим чередом. Только у Димы вдруг похолодело внутри — не от мороза, а от того самого необъяснимого предчувствия. Он вспомнил звонок отца — два дня назад.

Смирнов остановился напротив Григорьева с докладом. Лицо полковника было серым, под глазами — мешки, словно он не спал всю ночь. Он коротко кивнул и, не сказав ни слова, развернулся к штабному корпусу. Дима молча последовал за ним.

Они прошли через плац, мимо трибуны, мимо памятника Суворову. Дверь штаба скрипнула. В коридоре пахло хлоркой и старой бумагой. Полковник шагал впереди, и его шаги гулко отдавались в пустом пространстве. Дима считал их машинально: раз, два, три. На четырнадцатом шаге Григорьев остановился у двери с табличкой «Начальник курса полковник Григорьев В. С.».

— Заходи, — сказал он, не оборачиваясь.

Кабинет был небольшим. Стандартная казённая мебель: стол, заваленный папками, железный сейф в углу, портрет президента и министра обороны на стене, графин с водой, два стакана. Григорьев закрыл дверь, обошёл стол, но не сел. Он стоял, опираясь руками о столешницу, и смотрел куда-то в угол. Дима замер у входа по стойке «смирно». Он чувствовал, как сердце начинает биться чаще — не от страха, а от того самого предчувствия, которое теперь заполнило всё тело.

— Вольно, Смирнов, — голос полковника прозвучал глухо. — Садись.

Дима не сел. Он продолжал стоять, глядя прямо перед собой. Григорьев вздохнул, потянулся к графину, плеснул воды в стакан, но пить не стал. Поставил стакан на стол, уставился на него, будто там была подсказка.

— Разговор неслужебный, — сказал он наконец. — Вернее, служебный, но... касается тебя лично. Твой отец, майор полиции Смирнов Василий Андреевич... — он запнулся, на мгновение закрыл глаза, и Дима заметил, как дрогнула его рука. — Сегодня ночью он погиб при исполнении служебных обязанностей.

В кабинете стало тихо. Слышно было только, как на улице ветер бросает в стекло сухие листья. Дима стоял, и смысл слов доходил до него медленно, как если бы он был под водой, а голос звучал с поверхности. Отец. Погиб. При исполнении. Слова были русскими, понятными, но не складывались в реальность. Отец — это человек, который звонил два дня назад. Который курил в форточку, возил на рыбалку. Он не мог просто так взять и погибнуть.

— Как? — спросил Дима. Собственный голос показался чужим — скованным, без интонации.

— Подробности не знаю, — Григорьев наконец поднял глаза. — Ты должен поехать домой. Я уже распорядился, тебе оформят увольнительную.

— Ты должен поехать домой, — повторил Дима, и эти слова резанули, как лезвием.

— Смирнов... — начал полковник, но осёкся. — Я понимаю, тебе тяжело. Но факт есть факт. Твой отец был офицером, он выполнял свой долг. Ты должен поехать к матери и сестре. Им сейчас нужна твоя поддержка.

Дима не ответил. Он смотрел на портрет президента, но не видел его. Перед глазами стояло лицо отца — усталое, с морщинами у глаз, с той самой полуулыбкой, которой он провожал Диму в армию. «Я люблю тебя». Теперь эти слова обрели зловещий смысл. Они не казались простой старческой сентиментальностью.

Григорьев выпрямился и теперь смотрел прямо на Диму, и в его взгляде было что-то, похожее на сочувствие, но тщательно скрываемое за армейской выправкой.

— Тебе позвонят. А сейчас иди, собирайся. Я скажу, чтобы тебя отвезли на вокзал.

Дима кивнул. Развернулся, сделал два шага к двери и остановился. В голове крутилась одна мысль, и он произнёс её вслух, прежде чем успел осознать:

— Товарищ полковник, он правда погиб? Вы уверены?

Григорьев нахмурился. Открыл рот, закрыл. Потом подошёл, положил руку Диме на плечо — впервые за три года. Рука была тяжёлой и тёплой.

— Мне сообщили то, что я передал тебе. Если бы были сомнения, я бы сказал. Иди, Смирнов. И... крепись. Ты будущий офицер. Твой отец был офицером. Он бы не хотел, чтобы ты раскис.

Дима вышел в коридор. Дверь закрылась за ним мягко, почти бесшумно. Смирнов стоял в пустом коридоре штаба и смотрел на свои руки. Они не дрожали. Вообще ничего не дрожало. Он был абсолютно спокоен, и это спокойствие пугало его больше, чем само известие. Так спокойны бывают люди, в которых что-то сломалось и ещё не успело причинить боль.

Мимо прошёл кто-то из младших офицеров, отдал воинское приветствие. Дима машинально ответил. Ноги понесли его к выходу из штаба. На крыльце он остановился, вдохнул холодный воздух полной грудью. Солнце било в глаза. На плацу жизнь продолжалась: курсанты младших курсов маршировали, кто-то орал команды, где-то смеялись.

Он нащупал в кармане телефон. На автомате открыл список вызовов. Последний — «Папа», два дня назад, длительность разговора 1 минута 23 секунды. Большой палец завис над кнопкой вызова.

Дима убрал телефон. Он не верил. Не мог поверить, пока не увидит тело — или хотя бы пока не узнает детали.

Он спустился с крыльца и медленно пошёл в сторону казармы. Ему нужно было собрать вещи и ехать домой.

Но это будет потом. А сейчас он шёл, прямой и собранный, как на строевой, и никто из встречных курсантов не догадывался, что у правофлангового Смирнова только что мир раскололся надвое.

Комната в общежитии встретила его тишиной и запахом гуталина. Три койки, три тумбочки, казённый стол у окна — всё как обычно, только сейчас это обычное казалось чужим, будто декорация какого-то дешёвого фильма. Сослуживцы были на занятиях. Дима закрыл дверь, прислонился к косяку и несколько секунд стоял неподвижно, глядя на свою кровать. Одеяло заправлено идеально, подушка без складок.

Он отпрянул от косяка и подошёл к тумбочке. Руки двигались сами: выдвинул ящик, достал сумку, бросил на кровать. Сверху полетели вещи — гражданская одежда, которую он почти не носил, бритва, зубная щётка. Он не складывал, а именно кидал, не глядя, и это было не похоже на него. Всегда аккуратный до педантичности Смирнов сейчас запихивал рубашку в сумку так, будто хотел её разорвать.

Телефон лежал на тумбочке. Дима взял его, повертел в руках. Ему нужно было позвонить матери, он знал это, но большой палец застыл над клавишей вызова. Что он ей скажет? «Мне сообщили, что папа погиб. Это правда?» А если она ещё не знает? А если знает и сейчас одна, с сестрой, в пустой квартире, и некому её поддержать? Он представил её лицо — растерянное, заплаканное, — и от этого стало тошно.

Он нажал вызов.

Гудки шли долго, секунд десять. Дима уже хотел сбросить, когда на том конце ответили. Голос матери был глухим, сдавленным, будто она говорила через подушку:

— Дима... Ты знаешь?

И от этих двух слов, от того, как она это сказала — без приветствия, без вопроса, — у него внутри что-то оборвалось. До этой секунды он держался. Держался перед Григорьевым, держался в коридоре, держался, когда собирал вещи. Но голос матери разрушил невидимую стену. Потому что если она знает — значит, это правда.

— Только что сказали, — ответил он, и голос его прозвучал сдавленно. — Мам, что случилось? Мне сказали — при исполнении. Но я не понимаю. Он же следователь, он не выезжает на задержания один. Почему он был один?

На том конце послышался всхлип, какой бывает, когда человек пытается говорить и не может, потому что ком в горле.

— Мне ничего не сказали.

Дима сел на кровать, потому что ноги вдруг ослабели.

— Когда это было?

— Вчера вечером. Я звонила ему, телефон был недоступен. А потом приехали... — Она замолчала, и Дима услышал, как она пытается справиться с дыханием. — Приехали из управления. Сказали, что произошёл взрыв. Что тело сильно обгорело. Его нельзя... — её голос сорвался.

Дима слышал, как она плачет. Как плачет человек, у которого только что оторвали половину жизни: навзрыд, с паузами, когда не хватает воздуха, с каким-то животным воем, который шёл не из горла, а откуда-то из груди.

— Взрыв, — повторил он, и слово это было ледяным.

— Да, — сказала она тихо. — Они привезли его вещи, его удостоверение. Оно оплавилось по краям. И обручальное кольцо.

Дима закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыло отцовское кольцо — простое, золотое, с мелкими царапинами от многолетней носки. Отец никогда его не снимал, даже когда возился с машиной или работал на даче. Мать узнала бы его из тысячи.

— Когда похороны? — спросил он.

— Послезавтра. Следователи ещё не закончили, но сказали, что отдадут тело. Дима, ты приедешь?

— Я приеду, — сказал он, когда она немного затихла. — Сегодня выезжаю. К ночи буду дома. Мам, ты держись. Я скоро буду.

— Хорошо, — прошептала она. — Мы тебя ждём.

Он сбросил вызов. Кинул сотовый на одеяло и только сейчас понял, что всё это время стоял, пока разговаривал по телефону.

Он опустился на кровать, упер локти в колени, смотрел в пол. Линолеум был старый, вытертый, с рисунком под дерево. Дима знал каждую трещинку на этом полу, знал, что у двери есть выбоина, где все спотыкались. За всё то время, пока он учился здесь, отец был жив. А теперь его не стало.

Дима медленно поднял сумку, поправил скомканную рубашку, сложил её аккуратно — уголок к уголку, как учил отец когда-то. Движения стали точными, почти механическими. Он больше не кидал вещи. Сейчас он поедет домой, к матери и сестре, и будет с ними столько, сколько сможет. Потому что должен.

Глава 2

Глава 2. Возвращение

Дима взял билет на ближайший поезд. Самолётом было быстрее, но рейсов до вечера не оказалось, а ждать он не мог. Поезд отходил через сорок минут, и эти сорок минут он просидел на вокзале, глядя на табло с расписанием. Строчки сменяли друг друга, буквы расплывались, и он не мог сосредоточиться ни на одной. Мимо шли люди с чемоданами, смеялись, обнимались, прощались. Кто-то уезжал в отпуск, кто-то возвращался домой. Обычная жизнь. Ничего примечательного, но у него она кончилась сегодня утром.

В вагоне Дима забросил сумку на верхнюю полку, сел к окну и отвернулся к стеклу, чтобы никто не видел его лица. Он не хотел ни с кем разговаривать. Ему нужно было проехать четыре часа в тишине, наедине с собой, и он не был уверен, что справится.

Поезд дёрнулся и поплыл. Перрон за окном медленно отъехал назад, замелькали пригородные платформы, склады, гаражи, потом потянулся лес — голый, октябрьский, с редкими пятнами рыжей листвы. Дима смотрел на деревья, траву, но не видел их. Он видел отца.

Вот отец учит его плавать. Диме шесть лет, они на речке, вода ледяная, а отец стоит по пояс и говорит: «Давай, сынок, не бойся. Я держу». И он действительно держит — крепко, надёжно, и Дима впервые чувствует, что вода сама выталкивает его наверх. Он плывёт, а отец смеётся, и смех этот гулко разносится над рекой.

Потом отец ведёт его в первый класс. Дима в новом костюме, с букетом гладиолусов. Отец идёт рядом, большой, в своей неизменной серой куртке, и говорит: «Школа — это как служба, сынок. Делай что должно, и всё получится». Дима тогда не понял этих слов, но хорошо запомнил.

Теперь они вдвоём на рыбалке. Это было всего три года назад, перед самым его поступлением в институт. Сидели на берегу, молчали. Отец курил, Дима смотрел на поплавок. Они не сказали друг другу и десяти слов за весь день, но Диме было хорошо. Так хорошо, как бывает только с отцом — когда не нужно ничего объяснять, когда тебя понимают без слов. Он хотел ещё раз съездить с ним на рыбалку. Хотел, но всё откладывал: то учёба, то тренировки, то увольнительную не давали. Теперь не съездит никогда.

Эта мысль обожгла его, как удар под дых. Никогда. Ни-ко-гда. Он не увидит отца. Не услышит его голос. Не сможет спросить совета. Не сможет сказать то, что не успел. Слово «никогда» раньше было абстрактным, как «бесконечность» или «вселенная». Теперь оно стало реальным и тяжёлым, как камень на шее, который тянул в пучину горечи и печали.

Дима сжал зубы и зажмурился. За окном стучали колёса, мерно и безжалостно: «ни-ко-гда, ни-ко-гда, ни-ко-гда». Он попытался отвлечься, перевести взгляд на попутчиков. Напротив сидела пожилая женщина, рядом — парень в наушниках, дальше — семья с ребёнком. Обычные люди, обычный вагон. Никто не знал, что у него умер отец. Никто не смотрел на него. Он был один в толпе, и это одиночество было почти невыносимым.

Он снова отвернулся к окну и закрыл глаза. Воспоминания накатывали волнами, и он не сопротивлялся. Пусть. Лучше помнить, чем думать о том, что сейчас происходит дома. О том, как мать сидит на кухне и смотрит в одну точку. О том, как сестра плачет в своей комнате. О том, как послезавтра он увидит гроб, обгоревшее тело.

Он попытался это представить, но не смог. Отец всегда был неведимым, живым, настоящим. Дима понимал умом, что люди погибают, что следователи рискуют, что бывают несчастные случаи. Но принять это сердцем не мог. Это казалось ошибкой. Недоразумением. Сейчас кто-нибудь позвонит и скажет: «Произошла путаница, Василий Андреевич жив, он в больнице, приезжайте». И всё станет как прежде.

Он даже проверил телефон, но никаких пропущенных не было. Дима положил его на столик и уставился на тёмный экран. Тот молчал. Никто не звонил, чтобы сказать, что это ошибка.

Он снова вспомнил их последний разговор. Отец звонил вечером, голос был уставший, но спокойный. «Если вдруг что-то... помни: я тебя люблю». Дима тогда не придавал значения — мало ли что человек говорит, когда устал. Может, у отца был трудный день. Может, он просто стал сентиментальным с возрастом. Сейчас эти слова звучали как прощание. Но Дима отогнал эту мысль. Отец не знал, что погибнет. Никто не знает. Это просто совпадение. Трагическое совпадение, и ничего больше.

Он уронил голову на руки. Как же он устал. Устал держаться, устал быть сильным, устал делать вид, что всё в порядке. Ему хотелось закричать, ударить кулаком по стеклу, сделать что-нибудь, чтобы эта тяжесть внутри исчезла. Но он не мог. Не умел. С детства его учили, что мужчины не плачут, что офицеры держат удар, что эмоции — это слабость. Он выпитал это с молоком матери, и теперь эти уроки держали его, как прутья клетки. Он сидел с каменным лицом, а внутри у него всё горело.

За окном стемнело. Лес сменился полями, потом снова лесом. Колёса стучали, вагон покачивался. Пожилая женщина уснула, облокотившись на оконную раму. Парень в наушниках всё так же сидел, уставившись в телефон. Дима не спал. Он смотрел в темноту за стеклом и вспоминал.

Как отец болел за него на соревнованиях по рукопашному бою. Дима тогда проиграл, и ему было стыдно. А отец сказал: «Проигрыш — это не позор. Позор — это когда ты не вышел на бой». Диме было двенадцать, и он запомнил эти слова на всю жизнь.

Вспомнил и то, как они чинили старые отцовские «Жигули». Отец лежал под машиной, а Дима подавал ему ключи. Он тогда впервые почувствовал себя взрослым — не потому, что держал гаечный ключ, а потому, что отец разговаривал с ним как с равным. «Видишь, сынок, машина — это как человек. Если за ней не следить, она сломается. Но если ухаживать — будет служить верой и правдой». Дима тогда сразу понял, что отец говорит не только о машине.

Отец всегда хотел, чтобы Дима пошёл в полицию. Дима отказался. Это был их единственный серьёзный конфликт. Они не разговаривали две недели. Потом отец сам пришёл и сказал: «Твоё дело. Я всё равно буду тобой гордиться». Они обнялись, и Дима почувствовал, что отец наконец принял его выбор. Не одобрил, но принял. Это было важно.

Он подумал, что так и не сказал отцу главного. Не сказал, что тоже любит его. Что благодарен за всё. Что пошёл в армию не назло ему, а потому, что хотел найти свой путь. Что всегда равнялся на него, даже когда спорил. Эти слова теперь останутся несказанными, и Дима никогда не узнает, понял ли их отец без слов.

Поезд замедлил ход. За окном показались огни станции. Дима глянул на часы — в пути прошло почти два часа, осталась ещё половина. Он не заметил, как пролетело время. Воспоминания заменили ему сон, еду, разговоры. Он прожил с отцом ещё несколько часов, пока поезд вёз его к матери.

Он посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Оттуда глядел молодой парень с осунувшимся лицом и красными от недосыпа глазами. Курсант. Офицер. Сын. Теперь — старший мужчина в семье. Он ещё не осознал эту роль, но уже чувствовал её тяжесть. Теперь он отвечает за мать и сестру. Теперь он должен быть сильным за двоих. За себя и за отца.

Дима откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. До дома оставалось два часа. Он не знал, что будет завтра. Не знал, как посмотрит в глаза матери. Не знал, как переживёт похороны. Он знал только одно: отец умер, и это навсегда. Остальное придёт потом.

Дима слушал стук колёс и впервые за весь день позволил себе не думать. Просто ждать, когда поезд привезёт его домой.

Дима вышел на перрон, когда уже стемнело. Осенний ветер пробирал до костей, но он не чувствовал холода — только пустоту и странную, непонятно откуда взявшуюся ясность. Он шёл через вокзал, лавируя между людьми, и всё казалось ненастоящим: свет фонарей — слишком жёлтым, голоса — слишком громкими, смех — неуместным. Кто-то задел его плечом, извинился, он не ответил.

Такси довезло его до дома за двадцать минут. Он жил в этом районе всю жизнь, знал каждый двор, каждую лавочку, каждое дерево. Здесь они с отцом играли в футбол, когда Диме было десять. Здесь он впервые поцеловал девочку в четырнадцать лет. Здесь отец учил его водить машину — старую «девятку», которая глохла на каждом перекрёстке, и отец смеялся: «Ничего, сынок, главное — не переживай. Держи сцепление увереннее».

Теперь этот двор выглядел чужим. Тот же подъезд, те же окна, но свет в них горел иначе — тревожно, тускло, будто весь мир понимал, что в этой квартире случилось горе.

Он поднялся на третий этаж пешком — лифта не было, старый дом, сталинка. На лестничной площадке пахло кошками и табаком. Он остановился перед дверью, перевёл дыхание, поправил сумку на плече. Позвонил.

Дверь открыла мать. Заплаканная, растерянная. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени, но держалась она ровно.

— Дима, — сказала она тихо, и голос её дрогнул.

Она обняла его. Не так, как обычно — не быстрое приветственное объятие, а долгое, молчаливое, в котором было всё: и горе, и облегчение, и страх, и благодарность. Он обнял её в ответ и почувствовал, какая она стала лёгкая и хрупкая, будто птица. Когда он успел стать выше неё? Когда она успела постареть?

В коридор вышла Вера. Сестра была в старом домашнем свитере, рукава натянуты на пальцы — она так делала с детства, когда нервничала. Лицо опухшее, глаза красные. Она не сказала ни слова, просто подошла и уткнулась лбом в его плечо. Он обнял её одной рукой, другой всё ещё держал мать. Так они стояли втроём в тёмной прихожей, и никто не хотел отпускать первым.

— Проходи, — сказала мать наконец. — Что мы в дверях? Ты голодный? Я ужин приготовила, но... — она запнулась, — но мы тебя не ждали к ужину. То есть ждали, но не знали точно, когда...

— Мам, присядь, — сказала Вера. — Я всё сделаю.

Мать замолчала, махнула рукой. Слова путались, и это было понятно.

Дима снял ботинки, прошёл в комнату. В гостиной всё было как всегда: диван, телевизор, книжный шкаф, где отец собирал свою коллекцию. На журнальном столике стояла его фотография — та, где он в форме, при орденах. Перед фотографией лежали цветы.

Он сел на диван. Мать села рядом, Вера — в кресло, поджав ноги. Несколько секунд все молчали. Потом Дима спросил:

— Расскажи, как это было. Всё, что знаешь.

Мать вздохнула, сложила ладони на коленях. Она рассказывала спокойно, но это спокойствие давалось ей с трудом: он видел, как она стискивает пальцы, чтобы не дрожали.

— Вчера вечером он собирался на выезд. Сказал, что появилась наводка по одному делу. Я спросила, почему один, почему без группы. Он сказал: «Это не задержание, просто проверить информацию. Я быстро, к ужину вернусь». Я ещё хотела его остановить... чувствовала что-то. Но он меня никогда не слушал. Ты же знаешь.

Дима знал. Отец всегда был одержим работой. Если дело не давало ему покоя, он мог не спать ночами, перебирать документы, чертить схемы. Мать шутила, что он женат на следствии, а она — так, любовница. Шутка была старой, и раньше она всегда вызывала у отца смущённую улыбку. Теперь она стала горькой правдой: работа забрала его насовсем.

— Он не вернулся к ужину, — продолжала мать. — Я позвонила ему — на звонки не отвечал. Я позвонила дяде Ване — он ничего не знал. Я не спала всю ночь. А утром приехали из управления. Следователь, молодой парень, сказал: «Майор Смирнов погиб при исполнении». Вот так, казёнными словами.

— Что ещё он сказал? — Дима наклонился вперёд. — Как именно это случилось?

— Был взрыв. Подробностей он не знает, а может, и не говорит. Всё время отвечал как по бумажке: «Ведётся расследование», «Подробности уточняются», «Я не уполномочен разглашать». Я спрашивала, но он уходил от ответа.

Она замолчала. Дима смотрел на её руку, на кольцо и пытался представить, что чувствует человек, который держит в ладонях обгоревшие вещи мужа. Вещи, которые ещё вчера были на живом человеке.

— Они сказали, что гроб будет закрытым, — добавила мать тихо. — Из уважения к семье. Чтобы мы запомнили его живым.

— Удобно, — сказал Дима, и в его голосе прозвучало что-то похожее на горечь.

— Что ты имеешь в виду? — впервые заговорила Вера. Голос у неё был хриплый, как после долгого плача.

— Ничего, — покачал головой Дима. — Ничего, Вер. Просто... я бы хотел увидеть его. Чтобы попрощаться. Чтобы поверить.

— Ты не веришь? — мать посмотрела на него с тревогой.

Он не ответил сразу. Что он мог сказать? Что ему кажется странным — закрытый гроб, шаблонные ответы, тело, которое никто не увидит? Что отец за два дня до смерти звонил и говорил загадочные вещи? Что всё это не складывается в его голове в цельную картину? Но это были только смутные ощущения, не факты. И он не мог пугать мать своими сомнениями — не сейчас, когда она и так на грани.

— Я верю, — сказал он. — Просто... трудно. Очень трудно.

Мать кивнула и снова сжала руки. Вера всхлипнула и отвернулась к окну. За окном мигали огни соседнего дома, и шёл дождь — мелкий, октябрьский.

— Соседи приходили, — сказала мать после паузы. — Принесли цветы, продукты. И дядя Ваня заходил. Сказал, что твой отец не должен был ехать один.

— Дядя Ваня знал?

— Не знаю. Он не сказал. Просто повторил, что это была ошибка. Что он винит себя.

Дима запомнил это. Позже он поговорит с Ваней отдельно. Не сейчас. Сейчас нужно было быть здесь, с матерью и сестрой. Они сидели в гостиной ещё долго, но уже почти не разговаривали. Слова кончились. Осталось только молчание и тихий стук дождя за окном.

Потом мать ушла на кухню поставить чай. Дима знал: она просто не хочет плакать при детях. Вера осталась сидеть в кресле, закутавшись в плед. Дима подошёл к книжному шкафу, провёл пальцем по корешкам. Среди них была и энциклопедия, подаренная отцу на сорокалетие. Вот старая книга по криминалистике, которую отец читал ещё в академии. Все эти вещи были пропитаны его присутствием. Казалось, он сейчас войдёт в комнату, сядет в своё кресло и скажет: «Ну что, сынок, как учёба?»

Но он не войдёт. Никогда.

Дима сжал зубы и отвернулся от шкафа. На журнальном столике стояла отцовская кружка — та самая, с надписью «Лучшему папе», которую Вера подарила отцу ещё в детстве. Кружка была пустая. Рядом лежали очки для чтения, которые он вечно искал по всему дому.

Мать вернулась с чаем. Они выпили молча, каждый думая о своём. Потом Дима помог ей убрать со стола, и она пошла спать — или просто лечь, закрыть глаза и лежать без сна до самого утра. Вера ушла к себе. Дима остался в гостиной.

Он сидел в отцовском кресле, смотрел на его фотографию и думал. Закрытый гроб. Обгоревшие останки. Кольцо и оплавленное удостоверение — улики, которые ничего не доказы-

вают. Шаблонные ответы следователя. Странный звонок за два дня до смерти. Слишком много совпадений, слишком много вопросов. Он не мог сформулировать, что именно его беспокоит, но внутри росло ощущение: что-то не так.

Глава 3

Глава 3. Незнакомец

Похороны назначили на одиннадцать утра. День выпал серый, без солнца, небо затянуло низкими облаками. Земля была ещё влажная от вчерашнего дождя, местами стояли лужи. Дима остановился у входа в ритуальный зал, смотрел, как собираются люди.

Их было немного. Коллеги отца из управления — человек десять в штатском, но с той особой выправкой, которую ни с чем не спутаешь. Соседи — Гончаровы, Решетниковы, ещё кто-то, кого Дима знал в лицо, но не помнил по имени. Дядя Ваня стоял чуть поодаль, у стены, и нервно курил, хотя курить здесь было нельзя. Мать стояла рядом с Верой, обе были в чёрном. Вера плакала, не скрываясь, мать не плакала — её лицо застыло, как маска, и только пальцы, сжимавшие плечо дочери, выдавали напряжение.

Дима вошёл в зал. В центре стоял гроб. Закрытый. Тёмное дерево, лакированная крышка, венки по бокам. Всё как полагается. Только одна деталь не давала ему покоя: крышка была закрыта, и он знал почему. «Сильные ожоги. Тело невозможно опознать визуально». Он повторял про себя эти слова, но не мог избавиться от ощущения, что прощается с коробкой, а не с отцом.

Началась церемония. Кто-то говорил речь — кажется, начальник отдела, где служил отец. Слова были правильные, гладкие, как морская галька: «...отдал жизнь при исполнении... пример для молодых сотрудников... скорбим вместе с семьёй...». Дима не слушал. Он смотрел на гроб и пытался представить, что внутри. Не мог. Отец был живым, громким, с вечной полуулыбкой и привычкой хлопать Диму по плечу. В этом лакированном ящике не мог лежать его отец.

Потом подошла мать. Она положила руку на крышку, замерла на несколько секунд. Дима видел, как дрогнули её плечи. Она ничего не сказала — просто постояла и отошла. Вера разрыдалась, и её увели соседки.

Пришло время выносить гроб. Дима сам вызвался. Он, дядя Ваня и ещё четверо мужчин — коллеги отца — взялись за ручки. Гроб подняли, и Дима тут же почувствовал то, от чего у него внутри всё сжалось.

Гроб был слишком лёгкий.

Тяжесть чувствовалась, но распределена она была неправильно, словно внутри лежало что-то невесомое.

Он покосился на дядю Ваню. Тот шёл с другой стороны, лицо у него было мокрое — то ли от дождя, то ли от слёз. Но когда их взгляды встретились, Ваня быстро отвёл глаза. Дима ничего не сказал. Просто запомнил. Запомнил эту лёгкость, этот отведённый взгляд.

И она не отпускала его. Сидела где-то под рёбрами, как заноза. Дима шёл за гробом и считал шаги, и с каждым шагом мысль становилась всё навязчивее. Гроб не должен быть таким лёгким. Он видел похороны раньше — деда, соседа по подъезду, — и помнил, как тяжело даётся каждый метр, когда на плечах лежит тело. А здесь... здесь было что-то не так.

Он попытался отогнать эту мысль. Сказал себе: «Ты просто устал. Ты просто не в себе. Отец погиб, ты не спал, ты не ел». Но мысль возвращалась. Снова и снова. И с каждым разом становилась всё чётче.

«А что, если его там нет?»

Эта мысль была настолько дикой, настолько невозможной, что Дима даже остановился на секунду. Но тут же заставил себя идти дальше. Нет. Это чушь. Это паранойя. Мать узнала кольцо. Следователи подтвердили. Тело обгорело, но это отец.

И всё же... Гроб был слишком лёгким.

Процессия двинулась к могиле. Кладбище было старым, с узкими дорожками и покосившимися памятниками. Дождь усилился, и ноги скользили по грязи. Дима шёл и считал шаги. Раз, два, три. На сороковом шагу они остановились у ямы, вырытой среди таких же свежих холмиков. Рядом стоял памятник какому-то генералу, через дорожку — скромная оградка с выцветшей фотографией.

Гроб поставили на подставки. Дима отошёл к матери, взял её за руку. Она была ледяная. Священник — старый, с седой бородой, присланный из ближайшей церкви — начал читать молитву. Слова плыли мимо, монотонные и торжественные, но Дима их не слышал.

И тут он увидел незнакомца.

Мужчина стоял чуть поодаль, у старой берёзы. Он был в штатском — тёмное пальто, шарф, в руке зонт. Лет пятьдесят — пятьдесят пять, короткая стрижка, военная выправка. Лицо спокойное, но глаза — внимательные, цепкие. Такие глаза Дима видел у отцовских коллег, которые прошли горячие точки. Он не был похож на родственника. И не был похож на случайного прохожего.

Когда молитва кончилась и гроб начали опускать в могилу, незнакомец подошёл ближе. Он двигался тихо, незаметно, как человек, привыкший не привлекать внимания. Раздался командный голос, и почётный эскорт произвёл тоекратный залп. Дима заметил незнакомца снова, когда уже прощались — бросали горсти земли в яму, и мокрая земля глухо стучала по крышке.

Незнакомец подошёл к Диме после того, как всё кончилось. Тот стоял у края могилы, глядя, как рабочие засыпают яму. Мать и Вера уже отошли к машине.

— Дмитрий, — произнёс незнакомец.

Дима обернулся. Мужчина стоял в двух шагах, держал зонт в опущенной руке. Короткие седые волосы, начисто выбритое лицо.

— Мы не знакомы, — сказал он. — Я Александр. Я знал вашего отца.

— Вы из полиции?

Александр помолчал. Потом сказал — тихо, так, что слышал только Дима:

— Нет, но Василий Андреевич был моим другом и боевым товарищем. Я скорблю вместе с вами. Он погиб, защищая других. Это всё, что я могу сейчас сказать.

Дима хотел что-то спросить. Что за чушь? Какой боевой товарищ? Если он друг, то почему Дима никогда его раньше не видел? Почему он говорит так, будто знает что-то, чего не знает семья? Но Александр уже отступил на шаг.

— Когда будете готовы узнать правду, мы свяжемся с вами, — добавил он и развернулся.

— Стойте, — Дима шагнул за ним. — Какую правду? Кто вы вообще такой?

Александр не ответил. Он уже уходил, и его фигура быстро скрылась за деревьями и памятниками. Дима мог бы догнать его, но что-то остановило. Может быть, то, как спокойно и уверенно говорил этот человек. Или то, что он назвал отца боевым товарищем. Так говорили только о тех, кто воюет. Но отец никогда не воевал. Или воевал?

Дима вернулся к могиле. Рабочие уже заканчивали. Он стоял и смотрел на свежий холмик, и в голове у него всё перемешалось. Лёгкий гроб. Станный незнакомец. Боевой товарищ. Что всё это значит?

Чья-то рука легла ему на плечо. Он вздрогнул. Это был дядя Ваня.

— Пойдём, Дима. Поминки скоро, надо ехать.

— Дядь Вань, — Дима повернулся к нему. — Ты видел того человека? Высокий, в тёмном пальто, с зонтом.

Ваня замер. Лицо его стало белым, как у покойника. Он быстро огляделся, словно боялся, что кто-то услышит, и сказал:

— Раньше не видел.

— Он сказал — отец был его боевым товарищем и погиб, защищая других. Что это значит?

У дяди Вани ком подкатил к горлу. Он с трудом сглотнул.

— Ничего это не значит! — голос Вани дрогнул. — Пойдём, поговорим потом. Мало ли кто что говорит на похоронах. Люди всякую ерунду несут, лишь бы утешить.

Дима шёл рядом, но краем глаза заметил: Ваня будто знал. Знал, о ком речь. Знал, о чём говорил Александр. И молчал.

В машине они ехали молча. Мать дремала, утомлённая слезами, облокотив голову на плечо Димы. Вера смотрела в окно. Дима перебирал в памяти слова Александра. «Он был моим другом». «Погиб, защищая других». «Боевой товарищ».

Отец был следователем. Честным, упрямым, дотошным. Иногда он пропадал на несколько дней, но Дима всегда считал это обычной полицейской рутинной. А теперь вдруг появился человек, который говорил о чём-то странном.

За окном начинался дождь, мелькали мокрые улицы, серые дома, лужи, в которых отражалось низкое небо. Дима смотрел на родной город и вдруг понял: он ничего не знает о своём отце. Совсем ничего. И сейчас, когда отца больше нет, узнать правду — это единственное, что он может для него сделать.

Поминки закончились поздно. Гости разошлись, соседи помогли убрать со стола, и квартира снова погрузилась в тишину. Мать ушла в спальню — она держалась весь день, но к вечеру силы кончились, и Дима почти на руках отнёс её до кровати. Вера закрылась в своей комнате, сказала, что хочет побыть одна. Дима остался в гостиной. Сидел за пустым столом, смотрел на сдвинутые стулья, на остывшие чашки с недопитым чаем, на тарелку с нетронутыми пирожками. Соседка принесла их утром, но никто так и не поел.

Он встал и пошёл по коридору. Ноги сами привели его к двери отцовского кабинета. Он не был здесь с тех пор, как уехал в институт. Кабинет всегда был территорией отца: сюда не заходили без стука, здесь не убирала посторонние, и даже мать говорила: «Я туда не лезу». Дима положил руку на дверную ручку, помедлил и вошёл.

В кабинете пахло табаком и бумагой — запах, который он помнил с детства. Маленькая комната, стол у окна, книжный шкаф до потолка, набитый папками и разной макулатурой. На столе — лампа, пепельница, кружка с засохшей кофейной гущей, несколько ручек в банке из-под горчицы. Всё так, как оставил отец. Дима сел в его кресло, провёл ладонью по столешнице. Дерево было гладким, с глубокой царапиной у края — отец говорил, что это след от ножа, оставшийся, когда он однажды вскрывал конверт с письмом.

Он открыл ящик стола. Ничего особенного: чистые листы бумаги, старый ежедневник, скрепки, бланки. Он пролистал ежедневник — обычные записи: даты, встречи, номера телефонов. Ничего примечательного. Он закрыл ящик и откинулся на спинку кресла. Что он искал? Он сам не знал. Просто хотел понять: почему отец звонил ему с теми странными словами? Почему Александр назвал отца боевым товарищем, а дядя Ваня побледнел и не хотел это обсуждать?

Он перевёл взгляд на шкаф. Три полки, битком набитые всякими бумагами. Справочники по криминалистике, уголовный кодекс с закладками, несколько книг по истории. Дима провёл пальцем по корешкам. Всё было в пыли. На верхней полке стояли книги, которые явно не читали годами. Он встал на цыпочки, вытащил одну наугад — старый учебник по судебной медицине. Полистал, поставил обратно. Взял другую — «Основы оперативно-розыскной деятельности», тоже ничего.

И тут он заметил её.

Книга стояла чуть глубже остальных, задвинутая среди других томов. Она была толще остальных, в тёмно-синем переплёте, без названия на корешке и на ней не было того слоя пыли, как на других книгах, словно её брали чаще других. Дима вытащил книгу и прочитал

на обложке: «Физические аномалии и теория поля». Автор — Бергер Кроу. Издание старое, потрёпанное, с пожелтевшими страницами. На форзаце стоял штамп: «Библиотека Института теоретической физики АН СССР, 1972 г.». Книга явно была не из домашней коллекции. Отец никогда не интересовался физикой — во всяком случае, Дима об этом не знал.

Он раскрыл книгу. И замер.

Поля были испещрены пометками. Отец писал карандашом, мелким, но разборчивым почерком, который Дима узнал бы из тысячи. Пометки были странными, не имеющими отношения к тексту. Рядом с абзацем о гравитационных аномалиях стояло: «36 — дата выхода 14.03. Проверить источник. Карта не совпадает». Чуть ниже: «71 — закрыт. Кто заблокировал?» На полях были нарисованы стрелки, круги, вопросительные знаки. Где-то просто цифры: 36, 57, 23, 71 — обведённые и перечёркнутые.

Дима перевернул страницу. Здесь пометок было ещё больше. В углу, в самом низу, отец написал: «Если ты это читаешь, значит, меня нет. Не верь никому».

У Димы перехватило дыхание. Он перечитал эти строки несколько раз. «Если ты это читаешь, значит, меня нет». Отец знал. Знал, что его могут убить. Знал, что Дима однажды придёт в этот кабинет и найдёт книгу.

Он продолжил листать. На странице, посвящённой теории кротовых нор, отец нарисовал схему. Круги, соединённые линиями, и надписи: «Земля», «36», «71», «24». Рядом с цифрой 71 стоял знак вопроса и слово «Ключ?». От схемы отходила стрелка, ведущая к заметке на полях: «Это не мир — это ловушка».

Дима отложил книгу, встал и прошёлся по кабинету. В голове у него шумело. Надписи, схемы, какие-то цифры, которые явно были не просто цифрами. И ещё — «А2». Что такое А2? Он никогда не слышал этого названия. Может быть, оружие? Может быть, код?

Он снова сел, взял книгу и начал читать внимательнее. Текст самой книги был сложным, полным формул и терминов, которые он не понимал. Но пометки отца были написаны простым языком. Он вчитывался в каждую строчку.

На полях одной из глав он нашёл запись: «Прыжки в определённое время. 36 — стабилен. Почему? Спросить „А. С. В.“». Ниже — список фамилий, некоторые зачёркнуты. Одна фамилия была обведена: «Долгов». Другая — «Солодов». Третья — «Кроу» (рядом пометка: «Основатель?»).

Ещё одна страница содержала запись, сделанную, кажется, в большой спешке: «Тобольск — связь с 36. Кто проводник? Проверить цепочку: Кроу → Институт → Отдел → ?»

Отдел. Какое-то ведомство, о котором Дима никогда не слышал. Отец явно работал не просто следователем. Он вёл какое-то тайное расследование. И оно стоило ему жизни.

Дима закрыл книгу, положил на стол. Он чувствовал, как сердце колотится. Он не понимал и половины из того, что прочитал. Но одно было ясно: отец погиб не случайно. Он влез во что-то опасное, нашёл какую-то правду и был за это убит. И теперь эта правда лежала у Димы в руках, зашифрованная в пометках на полях старой книги.

Он подумал о матери. Если она узнает — испугается. Начнёт звонить в полицию, поднимать старые связи, привлекать внимание. А отец писал: «Не верь никому». Значит, среди старых связей могли быть те, кто его предал. Дима не имел права рисковать.

Он спрятал книгу в свою сумку, под вещи. Завтра он уедет обратно в институт, но перед этим попытается поговорить с дядей Ваней. Тот явно знал больше, чем говорил. Он странно вёл себя последнее время — и его поведение теперь обрело для Димы смысл.

Он выключил лампу и вышел из кабинета. В коридоре было темно и тихо. Мать и Вера спали. Дождь за окном кончился, и только редкие капли стучали по карнизу. Дима постоял у двери отцовского кабинета, провёл ладонью по косяку. Потом пошёл в гостиную, сел на кровать и ещё раз перечитал пометки.

Запись про Тобольск не давала ему покоя. Что это значит? Он вспомнил Александра — как тот говорил об отце. Тот явно знает больше, но где его теперь искать? И можно ли ему доверять?

Дима достал телефон. Открыл поисковик, вбил имя: «Бергер Кроу». Интернет молчал — ни ссылок, ни статей, ни даже форумов. Словно такого учёного никогда не существовало. Он попробовал «Разлом, физические аномалии» — поисковик послушно выдал несколько научно-фантастических романов и эзотерических блогов, но ничего похожего на то, о чём писал отец. «А2» — слишком короткий запрос, на экране замелькали модели телефонов, названия фирм, какие-то технические характеристики. Ничего, что имело бы отношение к тайнам отца. Он выключил телефон и отложил его в сторону.

Завтра он поедет к Ване и попробует разговорить его. А пока — нужно отдохнуть. Он лёг на диван, не раздеваясь, и долго смотрел в потолок. Сна не было. Перед глазами стояли строки, написанные отцовским почерком. «Если ты это читаешь, значит, меня нет». Теперь он здесь, он читает — и он сделает всё, чтобы узнать правду.

Утро выдалось тихое и хмурое, под стать настроению. Дождя не было, но небо оставалось затянутым, и в окна сочился бледный, размытый свет. Дима проснулся рано, по привычке, хотя спал всего несколько часов. Книга отца лежала на дне сумки, под вещами, как горячий уголёк, который нельзя вытащить, но который жётся даже через ткань.

Он умылся, оделся, собрал сумку. В квартире было тихо: мать ещё не встала, Вера спала в своей комнате. Дима вышел на кухню, поставил чайник, сел за стол. Всё здесь напоминало об отце: его любимая кружка на сушилке, его тапочки у двери, его зажигалка, забытая на подоконнике. Дима взял зажигалку, повертел в пальцах. Простая газовая, с потёртым корпусом. Отец всегда крутил её в руках, когда думал.

За спиной скрипнула половица. Он обернулся: в дверях стояла мать, в халате, с бледным лицом и припухшими от слёз глазами. Она явно не спала, но старалась держаться.

— Ты уже собрался, — сказала она негромко. — Давай хоть завтраком покормлю. Какие у вас там, в училище, завтраки? Каша да хлеб. Посиди, я сейчас.

— Мам, не надо, я не голодный.

— Надо, — отрезала она тоном, не терпящим возражений. Это был тот самый тон, которым она говорила всю его жизнь, и Дима вдруг услышал его снова.

Она достала сковороду, яйца, хлеб. Дима смотрел, как она хлопчет у плиты — движения автоматические, отработанные годами. Так она готовила завтраки отцу перед работой. Так готовила самому Диме перед школой. Теперь она готовила только ему. И от этой мысли у него защемило в груди: он уедет, а она останется здесь одна, с Верой и пустой квартирой.

Мать поставила перед ним тарелку, села напротив. Просто подпёрла голову рукой и смотрела, как он ест. Молчание затягивалось, но это было не неловкое молчание, а то, которое бывает между близкими людьми, когда слова не нужны. А потом она заговорила:

— Дима, я хочу, чтобы ты кое-что мне пообещал.

Он отложил вилку, посмотрел на неё.

— Да.

— Не бросай учёбу, — сказала она твёрдо. — Твой отец... — она запнулась. — Твой отец хотел, чтобы ты стал офицером.

Дима молчал. В словах матери была правда, которую он сам знал. Но теперь, после всего, что Дима узнал этой ночью, эта правда выглядела иначе.

— Я подумаю, мам, — сказал он наконец. — Обещаю.

— Не «подумаю», Дима. Осталось два года.

Он посмотрел ей в глаза. В них стояла мольба — не просто материнская тревога, а настоящий страх.

— Я обещаю, что подумаю, — повторил он твёрдо.

Она выдохнула и опустила глаза. Она знала своего сына: если он давал слово, он его держал. Но она также знала, что «подумаю» в устах Димы означает нечто иное, чем у других людей. Он не отмахивался. Он действительно будет думать — и может принять решение, которое ей не понравится.

— Ладно, — сказала она тихо. — Подумай. Но помни: твой отец гордился тобой. Тем, что ты выбрал армию. Тем, что ты стал самостоятельным. Он бы не хотел, чтобы ты всё бросил... — она осеклась. — Ради нас. Мы с Верой справимся. У нас есть пенсия, есть сбережения. Вера взрослая. Мы не пропадём.

Дима знал, что это не совсем правда. Сбережения были небольшими, пенсия — копеечной, а Вера работала администратором в салоне красоты и получала едва ли больше прожиточного минимума. Без отцовской зарплаты им будет трудно. Очень трудно. Но мать никогда не признается в этом прямо — гордость не позволяла.

— Я знаю, мам. Вы справитесь. Но я всё равно подумаю.

Он доел завтрак, встал из-за стола. Мать тоже встала, подошла к нему, поправила воротник его куртки — совсем как в детстве, когда он уходил в школу.

— Ты возвращайся почаще, — сказала она.

— Я вернусь, — сказал он. — Обязательно.

Она обняла его — крепко, отчаянно, как обнимают на вокзале, когда не знают, увидятся ли снова. Он обнял её в ответ, чувствуя, какая она хрупкая. Вера вышла из своей комнаты попрощаться — сонная, волосы растрёпанные, молча обняла и снова ушла. Она так и не научилась говорить о чувствах вслух, как и Дима.

Такси ждало у подъезда. Дима взял сумку и вышел из квартиры. Спускаясь по лестнице, он думал о том, что обещал матери. Он действительно собирался подумать. Но где-то глубоко внутри он уже знал ответ. Книга, пометки, загадочные слова отца — всё это требовало действий, а не размышлений. Он не сможет сидеть в аудитории и слушать лекции по тактике, зная, что где-то есть правда о смерти отца, и он — единственный, кто может её найти.

Он ещё не принял решение. Но решение уже зрело в нём, как зерно, брошенное в землю. И когда оно прорастёт, никакие обещания его не удержат.

Глава 4

Глава 4. Решение

В институт Дима вернулся вечером, когда занятия уже кончились. Он прошёл через КПП, предъявил увольнительную, получил разрешение на вход от прапорщика — и оказался на плацу. Тот же плац, те же общежития, тот же серый бетон под ногами. Всё было как прежде, но ощущалось иначе — будто он уехал на неделю, а вернулся через год. Или будто это не он уехал, а весь мир незаметно сдвинулся на пару градусов, и теперь ни одна тень не лежала там, где должна.

В кубрике его встретили молча. Костик поднял голову от книжки, хотел что-то сказать, но осёкся. Рыжий Серёга просто кивнул и отвернулся. Они знали. Наверное, начальник курса уже сообщил — или слухи сами расползлись: в институте они распространяются быстрее, чем приказы. Дима бросил сумку на койку и сел. Никто не подошёл, никто не стал расспрашивать — и за это он был им благодарен. Ему не хотелось говорить. Ему вообще ничего не хотелось.

Он достал книгу отца, сунул её поглубже в тумбочку, под стопку чистого белья. Потом разделся, лёг и уставился в потолок, знакомый до последней трещины. Он думал о том, что завтра снова начнутся занятия — строевая, тактика, огневая подготовка, — и впервые за три года эта мысль не вызвала у него ничего, кроме глухого раздражения.

Утром он встал по сигналу, как всегда. Умылся, оделся, вышел на построение. Только внутри было пусто. Раньше эта пустота заполнялась привычкой — он делал что должно, и это давало смысл. Теперь привычка осталась, а смысл исчез. Он стоял в строю, слушал команды, выполнял их — и чувствовал себя роботом, который запрограммирован на определённые действия, но не понимает, зачем.

Первая пара — тактическая подготовка. Лекция в душной аудитории, майор с указкой у карты, схема наступления условного противника. Дима смотрел на карту, на стрелки и флажки, и вместо того чтобы анализировать фланги и огневые точки, думал о записях отца. «Дата выхода 14.03». «71 — ключ?». «Если ты это читаешь, значит, меня нет». Слова крутились в голове, как заевшая пластинка, и он не мог их выключить.

— Смирнов! — голос майора выдернул его из размышлений. — Повторите, что я только что сказал.

Дима встал. Посмотрел на карту. Попытался собраться.

— Тактика обороны в условиях городской застройки, товарищ майор, — сказал он наугад.

В аудитории повисла пауза. Майор нахмурился.

— Садитесь, Смирнов. Я говорил о наступлении. О на-сту-пле-ни-и. Вы что, спите с открытыми глазами?

— Никак нет, товарищ майор. Виноват.

Он сел. Костик с соседнего ряда покосился на него с удивлением. Со Смирновым такого не бывало никогда. Он всегда был лучшим. Всегда знал ответ раньше, чем заканчивался вопрос. А теперь — «виноват». Слово, которое Дима Смирнов не произносил ни разу за три года.

Дальше пошло хуже. На строевой он сбился с шага — впервые за всё время обучения. На огневой подготовке выбил восемь из десяти, хотя обычно клал все десять в десятку. Инструктор ничего не сказал, только хмыкнул и сделал пометку в журнале. Дима видел эту пометку и ничего не чувствовал. Раньше каждая такая отметка была бы для него личным оскорблением. Теперь — просто чернила на бумаге.

После обеда, когда у них выдался свободный час, Костик нашёл его за казармой. Дима сидел на вкопанной наполовину в землю шине, смотрел на полосу препятствий и вертел в

пальцах отцовскую зажигалку — потёртую, газовую, с выцарапанными на корпусе инициалами «В. С.». Он не курил, просто держал её в руках.

— Можно? — Костик кивнул на крышечку рядом.

— Садись.

Костик сел, достал сигарету, закурил. Они молчали минуту-другую. Костик был единственным, с кем Дима мог молчать без неловкости. Может быть, поэтому он терпел его рядом — за ненавязчивость, за умение не лезть в душу без спроса.

Но сегодня Костик решил спросить.

— Дим, я, конечно, понимаю: у тебя горе, всё такое. Но ты сам на себя не похож.

Дима покрутил зажигалку. Щёлкнул колёсиком — раз, другой. Искра вспыхивала и гасла.

— Я не верю, — сказал он тихо.

— Во что не веришь?

— Что отец погиб.

Костик затаился, выпустил дым. Не засмеялся, не стал переспрашивать — просто ждал.

— Нам сказали: взрыв, — Дима говорил медленно, подбирая слова. — Никто не видел тела. Был закрытый гроб. Матери отдали кольцо, часы — и всё. Он будто исчез, а вместо него похоронили коробку.

— Ну, взрыв — это серьёзно, — осторожно заметил Костик. — Если тело обгорело, его и правда не показывают. Чтобы не травмировать родственников. Это стандартная процедура, я читал.

— Я тоже читал. Но дело не только в этом. — Дима наконец убрал зажигалку в карман и посмотрел на Костика. — Перед смертью он звонил мне. Как будто прощался.

— Может, совпадение?

— Может. Но на похороны пришёл человек, которого никто не знает. Назвал отца боевым товарищем. Сказал, что он погиб, защищая других.

— Твой отец воевал?

— Нет, но теперь я не уверен.

Костик потушил сигарету, выбросил окурочек. Он больше не выглядел скептиком — скорее, озадаченным.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю, — Дима покачал головой. — Пока не знаю. Но я должен узнать правду. Понимаешь? Должен. Не могу сидеть здесь, зубрить тактику и делать вид, что всё нормально. Там, — он кивнул куда-то в сторону города, — там мать одна с сестрой. И дело отца затягивают. А я здесь.

Костик долго молчал. Потом сказал:

— Слушай. Я тебя не отговариваю. Но если решишь что-то делать — ты только скажи. Я помогу чем смогу. Ну, в пределах возможностей курсанта, — он усмехнулся, но глаза оставались серьёзными.

— Спасибо, — сказал Дима.

Это было единственное слово, которое он мог сейчас сказать. Но оно было искренним.

Вечером, лёжа на койке, он снова достал книгу. Перечитал знакомые строки: «Если ты это читаешь, значит, меня нет». Потом захлопнул её и убрал обратно в тумбочку. Решение ещё не сформировалось в словах, но он уже знал, что будет дальше. Он не останется здесь. Не сможет. Слишком много вопросов, на которые нужно найти ответы.

Он уже знал, что завтра напишет рапорт, но что-то внутри сопротивлялось. И от этого было одновременно страшно и легко — как перед прыжком с парашютом, когда шаг уже сделан и остаётся только лететь.

Позже, после отбоя, Дима вышел в коридор с телефоном в руке. В кубрике говорить не хотелось: Костик уже спал, Серёга читал при свете маленькой лампочки, и нарушать эту

хрупкую тишину было нельзя. Он прошёл в конец коридора, к окну, выходящему на плац. За стеклом горели фонари, и пустое заасфальтированное пятно казалось огромным и чужим.

Он набрал номер матери. Гудки шли долго. Он уже решил, что она спит, когда в трубке раздался её голос — тихий, усталый, но всё ещё бодрый настолько, насколько может быть бодрым человек, который держится из последних сил.

— Дима? Ты почему не спишь?

— Не спится. Решил позвонить, узнать, как вы там.

Мать вздохнула. Это был не просто вздох — это был выдох человека, который целый день носил на себе тяжесть и только сейчас, в темноте пустой квартиры, позволил себе немного её сбросить.

— Держимся. Но сегодня... — она запнулась, подбирая слова. — Сегодня днём к нам приходили люди. Представились сотрудниками полиции. Сказали, что у них есть право на обыск. Сунули мне какую-то бумагу, я даже прочитать не успела — они сразу начали ходить по комнатам.

Дима почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Обыск?

— Они сказали — в рамках расследования дела отца. Что они ищут какие-то документы или вещи, которые он мог хранить дома. Они всё перевернули, Дима. В гостиной, в спальне, в твоей комнате. Но особенно долго были в кабинете отца. Перебрали все книги, все папки, все ящики. Что-то искали. Очень тщательно.

— Что-то нашли?

— Нет. — В голосе матери послышалось что-то похожее на мрачное удовлетворение.

— А бумага? — переспросил Дима. — Ты сказала, они сунули тебе бумагу. Ты её сохранила?

— Да.

— Звонила в управление?

— Сразу после них. Мне сказали, что никаких обысков не санкционировали. Что никто из их сотрудников к нам не выезжал. И что бумага, которую я описала, не является официальным документом.

Дима чувствовал, как внутри нарастает ледяная тяжесть. Обыск в кабинете отца — именно там, где лежала книга, которую он забрал с собой.

— Mam, ты в порядке? Они тебе не угрожали?

— Нет. Просто зашли, перевернули всё и ушли. Со мной почти не разговаривали.

— Mam, если кто-то ещё придёт — сразу звони в полицию. Ладно?

Он представил мать и Веру, стоящих в тёмном коридоре. Они сейчас были там, вдвоём, в опустевшей квартире, и каждая держалась сама за себя, хотя на самом деле нужны были друг другу.

— Хорошо, Дим, мы справимся. Главное, чтобы ты учился. Ты же помнишь, что обещал мне?

— Я помню, — сказал Дима, но голос его прозвучал глухо.

Он действительно помнил. «Не бросай учёбу». «Подумай». Он обещал подумать — и думал. Думал каждую минуту с тех пор, как вернулся в училище. Думал на занятиях, на строевой, в столовой, лёжа в кровати. И чем больше он думал, тем яснее становился ответ. Он не мог сидеть здесь и делать вид, что всё в порядке, пока мать считает копейки, пока Вера плачет в подушку, пока следователи возятся с делом отца.

— Ладно, мам, — сказал он. — Ты ложись спать. Завтра трудный день.

— Ты тоже ложись. Спасибо, что ты позвонил.

— Перестань, мам, — сказал он. — Спокойной ночи.

Он нажал отбой. Телефон погас, и в коридоре снова стало тихо. Дима стоял у окна и смотрел на плац. Фонари горели, как всегда. В караулке у ворот стоял дежурный с автоматом. Где-то далеко, за забором части, шумел город. Жизнь шла своим чередом, и ей не было дела до того, что в одной отдельно взятой квартире умер муж и отец, а его сын сейчас стоит в тёмном коридоре и пытается понять, что важнее: данное матери слово или долг перед семьёй.

Он думал о сестре. Вера была младше его на четыре года. В детстве он учил её кататься на велосипеде, дрался с мальчишками, которые её дразнили. Когда он уехал в институт, она написала ему первое письмо — смешное, с кучей ошибок, и в конце приписала: «Я тобой гаржусь». Он сохранил это письмо, хотя никогда ей не говорил. Теперь он за сотни километров отсюда слушает лекции по тактике и ничего не может сделать.

Он думал о матери. Она работала бухгалтером в небольшой фирме, получала скромно, но стабильно. С отцовской зарплатой они жили небогато, но достойно. Теперь отцовской зарплаты нет, а расходы остались: квартплата, кредит за машину, которую они взяли два года назад, лекарства для бабушки, которая жила отдельно, но требовала помощи. Как она справится одна? На свою зарплату она не вытянет. Придётся брать дополнительные часы, подработки, влезать в долги. Он знал мать: она будет тянуть до последнего и никогда не попросит помощи. Но он-то видел. Видел её усталые глаза, видел, как она похудела за эти дни, как дрожат её руки, когда она думает, что никто не смотрит.

И он думал об отце. О том, что отец не хотел, чтобы он бросал учёбу. Но теперь, после всего, что Дима узнал из книги, всё было иначе. Теперь отца не было. А мать и сестра были. Значит, всё сходилось к одному: он должен вернуться домой. Не на каникулы, не на выходные — насовсем. Должен помочь матери деньгами, поддержать сестру, а главное — найти того, кто убил отца.

Он всё ещё сопротивлялся этому решению. Оно шло вразрез со всем, чему его учили: дисциплина, долг, приказ. Офицер не бросает учёбу. Офицер не принимает решений на эмоциях. Но где-то в глубине он уже знал: это не эмоции. Это выбор. Трудный, болезненный, но единственно возможный. И он его сделает.

Он отошёл от окна и направился в кубрик.

Утром Дима не пошёл на занятия. Впервые за три года он нарушил распорядок — не потому, что забыл или проспал, а потому, что принял решение и теперь должен был пройти путь, который полагался по уставу. Сначала — непосредственный начальник. Так требовала субординация, и он, даже уходя, соблюдал её до конца.

Командир взвода, капитан Лавров, сидел в канцелярии и заполнял журнал. Тридцать два года, спортивный, подтянутый, с вечной складкой между бровей и привычкой говорить коротко и по делу. Диму он знал хорошо: Смирнов был лучшим во взводе, и капитан не раз ставил его в пример остальным. Поэтому, когда Дима вошёл, приложил руку к головному убору и с порога произнёс: «Товарищ капитан, разрешите обратиться по личному вопросу», — Лавров отложил ручку и нахмурился.

— Обращайтесь, Смирнов.

— Прошу вашего разрешения подать рапорт об отчислении из института.

В канцелярии повисла тишина. Капитан смотрел на него несколько секунд, и складка между бровей стала глубже.

— Сядьте, — сказал он наконец, указав на стул. Дима сел. Лавров встал, прошёлся по кабинету, остановился у окна.

— Я знаю о вашей ситуации. Примите мои соболезнования. Но отчисление — это серьёзный шаг. Вы лучший курсант на потоке. Через два года выпуск, лейтенантские погоны, распределение в часть. Что вы будете делать на гражданке?

— У меня семья, товарищ капитан. Мать и сестра. Им нужна помощь.

— Помощь можно оказывать по-разному. Закончите институт, получите звание, будете получать офицерское довольствие — сможете помогать семье деньгами. Это разумнее, чем бросать всё сейчас и идти в никуда. Вы понимаете это?

— Понимаю, — ответил Дима ровно. — Но я принял решение.

Лавров помолчал, потом подошёл к столу и сел напротив Димы.

— Смирнов, я редко кого хвалю. Вы это знаете. Но вы — один из лучших, кого я видел за десять лет службы. У вас есть характер, дисциплина, голова на плечах. Такие, как вы, нужны армии. Ваш отец был офицером. Он бы не хотел, чтобы вы ломали себе карьеру.

Дима сжал челюсти. Он ожидал этого аргумента — про отца. И всё же слова капитана попали в цель.

— Мой отец хотел, чтобы я был офицером, — сказал он. — Но он также хотел, чтобы я поступал по совести. Если я останусь здесь, зная, что матери нечем платить за квартиру, а сестра плачет ночами, — каким офицером я буду? Офицер должен защищать. А я даже свою семью защитить не могу.

Капитан долго смотрел на него, потом вздохнул.

— Это решает начальник курса. Идите к нему.

— Я понял, товарищ капитан. Разрешите идти?

— Идите.

Дима вышел. В коридоре он остановился, перевёл дух. Разговор дался тяжелее, чем он ожидал. Лавров не кричал, не давил — он говорил то, что Дима и сам знал. Но решение было принято. И он пошёл дальше — в штаб, к начальнику курса.

Полковник Григорьев был на месте. Дима постучал, вошёл, представился по форме. Григорьев сидел за столом, перед ним лежала та же стопка папок, что и в прошлый раз, когда он сообщил Диме о гибели отца. При виде Смирнова он поднял брови — не удивился, но насто-рожился.

— Слушаю вас, курсант.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться по личному вопросу. Прошу вашего разрешения на отчисление из института по семейным обстоятельствам.

Григорьев откинулся на спинку стула и несколько секунд разглядывал Диму, будто видел впервые.

— Вот, значит, как, — произнёс он задумчиво. — Садитесь.

Дима сел. Полковник не ходил по кабинету, как Лавров, — он остался на месте, но взгляд его стал тяжёлым и цепким.

— Я знал вашего отца, Смирнов. Он был настоящим офицером. Честным, принципиальным, упрямым. Я слышал, вы пошли в армию, а не в полицию — он, говорят, этого не хотел. И вот теперь, когда половина пути пройдена, вы хотите всё бросить?

Дима почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Полковник бил по самому больному — по чувству вины перед отцом, по желанию быть достойным его памяти.

— Я думал об этом, товарищ полковник, — сказал он, стараясь сохранять ровный тон. — Мой отец был не только офицером. Он был отцом. И мужем. Он заботился о семье. Если бы он сейчас оказался на моём месте — он бы поехал к матери и сестре. Я в этом уверен.

— Уверены? — Григорьев прищурился. — А я вот не уверен. Василий Смирнов был из тех, кто доводит дело до конца. Он бы сказал: «Закончи институт, а потом помогай». Он бы не стал рубить с плеча.

Дима молчал. Полковник наклонился вперёд, положил локти на стол.

— Послушай, Дмитрий. Я понимаю, что тебе тяжело. Потерять отца в таком возрасте — это страшно. Но ты сейчас на эмоциях. Тебе кажется, что, отчислившись, ты решишь все проблемы. А на самом деле ты создашь новые. Кем ты будешь работать? Пойдёшь в сельское

хозяйство? Ты учишься командовать людьми, а будешь сидеть на ферме или на кассе. А через полгода поймёшь, что совершил ошибку, но будет поздно. Обратного вас никто не возьмёт.

— Я понимаю риск, товарищ полковник, — тут же ответил Дима.

— Ни черта вы не понимаете! — Григорьев повысил голос, но тут же взял себя в руки. — Вы думаете, я не видел таких, как вы? Молодых, горячих, которые после удара судьбы принимают поспешные решения? Из десяти таких девять потом жалеют. Вы хотите быть десятым?

— Я хочу помочь матери, — сказал Дима тихо, но твёрдо. — У неё никого, кроме меня. Сестра плачет ночами. Денег не хватает. Дело отца затягивают. Если я останусь здесь, я не смогу смотреть себе в глаза.

Григорьев смотрел на него долго. Потом встал, прошёлся по кабинету, остановился у сейфа. Молчал минуту, другую. Потом сказал, не оборачиваясь:

— Я могу вам отказать, Смирнов. Имею право. По уставу, если курсант подаёт рапорт по семейным обстоятельствам, окончательное решение за начальником курса. Я могу задержать этот рапорт. Могу отправить вас к психологу. Могу дать отпуск на месяц — съездите домой, поможете, вернётесь. Хотите отпуск? Я устрою.

Дима почувствовал, как внутри поднимается волна — смесь упрямства и отчаяния. Полковник не отказывал прямо, он предлагал компромисс. И компромисс был разумным. На месяц съездить домой, помочь матери, разобраться в делах — а потом вернуться и закончить учёбу. Это звучало логично. Рассудок говорил: «Соглашайся». Но что-то внутри — то самое упрямство, которое передалось от отца, — не позволяло.

— Спасибо за предложение, товарищ полковник. Но месяц ничего не решит. Матери нужна постоянная помощь. А мне нужно быть там, где я могу что-то изменить. Не через полгода — сейчас.

Григорьев повернулся. Лицо его было непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Вы упрямы, как ваш отец. Он тоже никогда не отступал. Ладно, Смирнов. Я не могу держать вас насильно. Пишите рапорт. Но я предупреждаю: это не быстро. Бумаги пойдут по инстанциям — командир взвода, начальник учебного отдела, строевая часть, канцелярия. Пока всё оформят, пройдет неделя, а то и две. И каждый на своём уровне будет пытаться вас отговорить. Готовы?

— Готов, товарищ полковник.

— Тогда садитесь и пишите.

Григорьев подвинул ему лист бумаги и ручку. Дима сел. Рука не дрожала, хотя внутри всё бурлило. Он начал писать: «Рапорт. Прошу отчислить меня из числа курсантов военного института по семейным обстоятельствам...» Слова ложились на бумагу ровно, как на строевой. Он дописал, поставил подпись, дату. Протянул лист полковнику.

Григорьев прочитал. Кивнул.

— Я передам в канцелярию. Но, как я сказал, процесс небыстрый. Идите пока на занятия. Когда будет приказ — вызову.

— Есть, — Дима встал.

— И, Смирнов... — Григорьев задержал его взглядом. — Если передумаете — рапорт можно отозвать. В любой момент, пока нет приказа. Имейте это в виду.

— Я не передумаю, товарищ полковник.

Он вышел. В коридоре было пусто, только дежурный курсант на посту у входа в штаб. Дима прошёл мимо, спустился по лестнице, вышел на плац. Солнце уже поднялось, и лёд на бетоне начал таять, оставляя мокрые следы. Он стоял и смотрел на серый асфальт, который знал до последней трещины, и думал о том, что только что перечеркнул три года своей жизни.

В следующие дни начались проволочки — именно такие, как предупреждал Григорьев. Командир взвода подписал рапорт не сразу, а только после повторного разговора, в котором

пытался воззвать к разуму Димы через его товарищей: «Вы же их бросаете, Смирнов. Вы были правым флангом. На кого я теперь буду равняться?» Начальник учебного отдела, сухой подполковник с канцелярским лицом, задержал бумагу на три дня, находя то несоответствия в оформлении, то требуя дополнительных справок. Строевая часть потеряла его личное дело — потом нашла, но день был потерян.

Каждый из этих людей считал своим долгом вызвать Диму и провести профилактическую беседу. «Ты понимаешь, что теряешь?», «Подумай ещё раз», «Твой отец бы не одобрил», «Кому ты там нужен без образования?». Слова были разными, но суть одна: они не понимали. Не могли понять, что решение Димы продиктовано не эмоциями, а глубокой внутренней необходимостью. Он должен был вернуться. Должен был узнать правду. Должен был помочь семье. И никакие бюрократические проволочки не могли его остановить.

Через неделю после подачи рапорта его вызвал Григорьев и сообщил:

— Приказ готов. Завтра подпишут. Послезавтра получите документы и можете быть свободны. Последний шанс передумать, Смирнов.

Дима покачал головой.

— Я не передумаю.

Григорьев вздохнул, развёл руками:

— Ну, как знаешь. Иди. И удачи тебе, Смирнов. На гражданке она понадобится.

— Спасибо, товарищ полковник.

Через два дня он получил документы, сдал форму, попрощался с Костиком и Рыжим Серёгой. Костик обнял его — впервые за три года, — и сказал: «Ты это, звони. Если что — мы поможем». Дима кивнул, пожал руки и ушёл с плаца, на котором провёл несколько лет жизни.

За воротами части его ждал мир, к которому он был не готов. Но он знал одно: назад дороги нет. Он сделал выбор — и теперь должен был идти до конца.

Глава 5

Глава 5. Гражданка

Дима вернулся домой поздно вечером, когда фонари уже горели, а в окнах соседних домов загорелся жёлтый свет. Он поднялся по знакомой лестнице с сумкой на плече, в гражданской одежде — форма осталась в училище, и без неё он чувствовал себя почти голым. Привычная тяжесть берцев сменилась лёгкими кроссовками, и шаги по лестнице звучали непривычно.

Он позвонил в дверь. Открыла мать — и замерла на пороге. Она смотрела на него, на сумку, на его лицо, и в глазах её медленно проступало понимание.

— Дима, — выдохнула она. — Что ты сделал?

— Привет, мам, — он шагнул вперёд, обнял её, чувствуя, как она напряжена. — Я вернулся. Совсем.

Мать отстранилась, заглянула ему в лицо, будто надеялась увидеть там что-то, что объяснило бы всё без слов. Потом покачала головой и заплакала — молча, беззвучно, как плачут люди, которые привыкли прятать слёзы даже от себя. Из коридора выглянула Вера, увидела брата, и её лицо на мгновение осветилось радостью — но тут же погасло, когда она заметила сумку и выражение лица матери.

— Ты бросил институт? — спросила она прямо.

— Да, — ответил Дима. Он не стал придумывать оправданий. — Я не мог там оставаться. Мы здесь одни, а я за сотни километров марширую. Это неправильно.

Мать прошла на кухню, села за стол. Дима и Вера пошли за ней. Сели. Тишина была густой, как кисель, и Дима понимал, что должен всё объяснить, — но слова давались трудно. Он рассказал про рапорт, про разговор с начальником курса, про то, что решение было обдуманным. Он не говорил про книгу. Не говорил про подозрения. Просто сказал, что семья важнее карьеры.

— Я должен был это сделать, мам. Папа бы понял.

Мать долго молчала, потом подняла на него глаза.

— Ты упрямый, как он. Когда ты звонил в последний раз, у тебя был такой голос... Я уже тогда всё поняла. — Она вздохнула.

— Я найду работу, — сказал Дима. — Пойду продавцом, охранником, кем угодно. Главное, что я здесь.

Вера молчала, глядя в стол. Потом тихо сказала:

— А ещё дядя Ваня... Он совсем не хочет помогать. Мы звонили ему, просили хотя бы узнать, как продвигается дело папы. Он сказал, что занят. А вчера вообще сказал маме: «Не трогайте это дело, полиция разберётся». И трубку бросил.

Дима нахмурился. Дядя Ваня был старым другом отца, его коллегой. Если он отказывается помогать — значит, что-то очень сильно напугало его. Или он что-то скрывает.

— Я поговорю с ним, — сказал Дима.

Он достал телефон и набрал номер Вани. Гудки шли долго. Потом трубку сняли, но голос был не Вани, а его жены.

— Это Дима. Мне нужно поговорить с Ваней.

— Его нет, — быстро ответила она. — Он уехал.

— Куда? Когда вернётся?

— Не знаю. Извини, мне некогда. — И она повесила трубку.

Дима посмотрел на телефон. Всё внутри напряглось.

— Мам, ты не знаешь, почему он так себя ведёт?

Мать покачала головой.

— После смерти отца он изменился. Приходил, говорил, что виноват. А потом вдруг стал нас избегать. Думаю, он знает что-то, но боится говорить.

— Может, ему угрожали?

— Или он замешан, — мрачно сказала Вера, но мать тут же одёрнула её:

— Не говори так! Иван — друг семьи. Он не мог предать твоего отца.

Дима ничего не сказал, но про себя отметил: именно друзья иногда оказываются самыми опасными. Он не знал, на чьей стороне Ваня, но твёрдо решил, что доберётся до правды.

Он снова набрал номер — на этот раз дяди Вани напрямую на мобильный. Гудки, ещё гудки. Потом короткий гудок — «абонент не отвечает». Он позвонил ещё раз. Наконец, после пятого или шестого гудка, последовал ответ.

— Алло, — голос Вани был настороженным.

— Дядь Вань, это Дима.

— Дима... — Пауза. — Я сейчас не могу говорить.

— Я только на минуту. Я отчислился. Вернулся домой. Хочу узнать, что с делом отца. Почему вы отказываетесь помогать?

В трубке повисло молчание. Потом Ваня заговорил быстро, сбивчиво, словно боялся, что кто-то его услышит:

— Дима, послушай меня. Я не веду это дело и не могу тебе ничего рассказать. Понимаешь? Дай полиции во всём разобраться. Живи спокойно, заботься о матери и сестре.

— Какое дело? Вы про дело № 78/44-1?

Ваня выдохнул — резко, как от удара.

— Я не знаю, о чём ты.

— Дядь Вань, помогите мне. Я хочу, чтобы убийца отца ответил за содеянное. Если вы не готовы помочь — я сделаю это сам.

— Дима, — голос Вани дрогнул. — Я умоляю тебя, остановись.

Он нажал отбой.

Рука Димы слегка дрожала, но внутри была спокойная решимость. Он посмотрел на мать и сестру — они сидели молча, с бледными лицами: разговор они слышали.

— Он что-то знает, — сказал Дима. — Но боится.

— Дима, не надо... — начала мать, но он перебил:

— Мам, я понимаю, но я не могу просто сидеть и ждать, пока всё забудется. Папа звонил мне за два дня до смерти. Сказал, что любит меня. Будто знал, что с ним что-то случится.

Мать закрыла лицо руками, но не заплакала. Потом отняла руки и посмотрела на сына долгим взглядом.

— Я обещаю тебе: я найду правду, — сказал Дима.

Он не стал рассказывать про книгу. Посчитал, что чем меньше они знают, тем в большей безопасности будут.

— Я знала, что этим кончится. — Она горько усмехнулась. — Ладно. Делай что должен. Только не наделяй глупостей. Хотя бы это пообещай.

— Обещаю.

Вера подошла и обняла его. Она ничего не сказала, но в этом объятии было всё — и страх, и надежда, и благодарность.

Дима пошёл в свою комнату, достал из сумки книгу отца и положил её на стол. Теперь это был его главный инструмент. Он проведёт собственное расследование, а сегодня он дома, и нужно просто побыть с семьёй.

На следующий день Дима решил не ждать. Он плохо спал, ворочался, думал о словах Вани, о том, как быстро тот бросил трубку. Страх — вот что это было. Настоящий, животный страх. И Дима хотел знать его причину.

Он оделся поплотнее и вышел из дома, не сказав матери, куда идёт. Она бы начала отговаривать, а ему сейчас не нужны были споры. Ему нужны были ответы.

Дядя Ваня жил на другом конце города, в старом районе, где пятиэтажки перемежались с частными домами. Дима ехал на автобусе, глядя в запотевшее окно, и мысленно прокручивал предстоящий разговор. Он не знал, что скажет Ване. Знал только, что не уйдёт без ответа.

Обычная панельная пятиэтажка, облупившаяся краска на двери подъезда, запах сырости. Квартира на втором этаже. Дима поднялся, нажал кнопку звонка. За дверью было тихо, потом послышались осторожные шаги. Кто-то замер у глазка. Дима чувствовал, что на него смотрят.

Дверь открыла жена Вани — сухая, остроносая женщина с тонкими губами. Увидев его, она не поздоровалась, а сразу поджала губы, будто он принёс с собой дурную весть.

— Здравствуйте, тётя Лена. Мне нужен дядя Ваня.

Она оглядела его с головы до ног. Взгляд был не просто неприветливым — враждебным.

— Его нет, — сказала она резко.

— А когда будет?

— Он уехал. — Она начала закрывать дверь, но Дима успел сделать полшага вперёд.

— Куда?

Она остановилась, и лицо её исказилось — уже не просто раздражение, а настоящая злость, которая, видимо, копилась давно и теперь прорвалась наружу.

— Смирнов... — процедила она, и фамилия прозвучала как ругательство. — Твой отец... из-за него мой муж... убирайся. И не приходи сюда больше.

Дверь захлопнулась перед его носом. Внутри лязгнул замок, потом ещё один. Дима остался стоять в тёмном подъезде, совершенно не понимая, что это сейчас было.

Он спустился вниз, вышел во двор и сел на лавочку у подъезда. Лавочка была старая, деревянная, с облупившейся зелёной краской, на которой, наверное, сидели старушки по вечерам, щёлкали семечки и обсуждали соседей. Теперь здесь сидел он — бывший курсант, бывший лучший на потоке, а теперь просто сын, который пытается понять, почему умер его отец.

Время тянулось медленно. Он продрог до костей, но не уходил. Зажигалка отца лежала в кармане, и он крутил её в пальцах, как привык за последние дни. Щёлк. Щёлк. Искра вспыхивала и гасла.

Стемнело. Зажглись фонари — тусклые, жёлтые, какие-то усталые. Редкие прохожие пробегали мимо, втягивая головы в воротники. Дима ждал. Он умел ждать — армия научила.

Около десяти вечера Дима заметил сутулого человека в старой куртке, с сигаретой в руке. Тот направлялся к подъезду дома, у которого сидел Дима. Это был дядя Ваня.

Он не заметил Диму сразу, шагнул в сторону, обходя лужу, затянулся дымом. Огонёк сигареты осветил его лицо — бледное, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами. Дима встал и шагнул к нему.

— Дядь Вань.

Ваня вздрогнул так, будто его ударили. Сигарета чуть не выпала из пальцев. В тусклом свете фонаря его лицо выглядело испуганным.

— Дима?.. Ты что здесь делаешь?

— Вы не оставили мне выбора. Вы не берёте трубку. А мне нужны ответы.

— Какие ответы? — Ваня нервно огляделся, будто боялся, что кто-то их услышит. — Я тебе уже всё сказал по телефону. Не лезь в это дело! Оно опасное, понимаешь?

— Я уже влез, — сказал Дима спокойно, но в голосе его звенела сталь. — Я знаю, что отец был не просто следователем.

Ваня побелел. Руки его дрожали.

— С чего ты взял?

— Я нашёл у него книгу с заметками. А2, 71, ключ.

Ваня затряс головой.

— Это никак не поможет. — Он махнул рукой куда-то в темноту, и в этом жесте было всё: горечь, страх, бессилие.

— Мне всё равно, — сказал Дима тихо. — Он был моим отцом. И я не успокоюсь, пока не узнаю, кто его убил. Если вы не поможете — я всё равно буду искать. Но без вас я могу наломать дров. С вами — у меня будет шанс.

Ваня долго смотрел на него. Потом опустил глаза, покачал головой. Плечи его опустились, он вдруг стал похож на старика, хотя ему было всего пятьдесят с небольшим.

— Ты такой же, как он, — сказал он еле слышно. — Такой же упрямый. Такой же... безбашенный. Ладно, слушай. Только не здесь. — Он огляделся. — Приходи завтра в кафе на Садовой, знаешь, где? «Старая мельница». В девять вечера. Там поговорим. Но больше я тебе ничего не обещаю.

— Я приду, — сказал Дима.

Ваня кивнул и, не прощаясь, нырнул обратно в подъезд. Дверь хлопнула, и Дима остался один в пустом дворе. Он постоял ещё минуту, глядя на тёмные окна, потом развернулся и пошёл к автобусной остановке.

До встречи с Ваней весь день был свободен, и Дима решил не терять время. Он встал рано. Сидел на кухне с чашкой остывшего чая и листал объявления в телефоне. Сайты вакансий пестрели предложениями, но каждое второе требовало опыта, которого у него не было, а каждое первое — образования. Он листал и чувствовал, как внутри закипает глухое раздражение: три года он учился командовать людьми, разбирать автомат с закрытыми глазами и принимать решения под огнём. А гражданский мир требовал других навыков — диплома, стажа, умения улыбаться на собеседованиях. Ничего этого у него не было.

Дима допил чай, надел чистую рубашку и вышел из дома. В кармане лежала папка с документами и пара рекомендательных писем от преподавателей, которые он попросил перед уходом.

Первое собеседование было в охранном агентстве «Щит» — небольшая контора на первом этаже офисного здания, пропахшая табаком и дешёвым кофе. Начальник, грузный мужчина с багровым лицом и в пятнистой рубашке, долго листал его документы, хмурился.

— Военный институт, третий курс... А чего не доучился-то?

— Семейные обстоятельства, — сказал Дима, не вдаваясь в подробности.

— Понятно. — Сергей Сергеевич отложил бумаги, снял очки и потёр переносицу. — Я на этой работе пятнадцать лет. Через меня столько народу прошло — и бывшие военные, и после армии, и без образования. И я тебе скажу прямо: это не твоё. — Он поднял руку, видя, что Дима хочет возразить. — Дослушай. Я не говорю, что ты не справишься. У тебя выправка, дисциплина, взгляд — я такие вещи за версту вижу. Но именно поэтому я тебя не возьму.

Дима нахмурился.

— Тогда я не понимаю.

— А ты подумай. Ты же без пяти минут офицер. Тебя учили принимать решения, брать ответственность. А здесь что? Сидеть на стуле, смотреть в монитор, гонять бомжей от входа. Через месяц ты взвоешь от тоски. Через два — начнёшь срываться на окружающих. Через три — либо запьёшь, либо натворишь глупостей. Эта работа для тех, кому больше некуда идти. А тебе есть куда.

— Мне некуда, — сказал Дима глухо. — Я отчислился. Обратно не возьмут.

— Обратно, может, и не возьмут. Но это не значит, что нужно идти на самое дно. Это не жизнь для парня, который мог бы носить лейтенантские погоны. Послушай моего совета: не трать себя на эту работу. Поищи что-то другое. Если совсем прижмёт — приходи, я тебя возьму. А пока — попробуй найти место, где твои навыки пригодятся. Не здесь.

Дима смотрел на него, не зная, что ответить. С одной стороны, он злился: ему нужны были деньги, а не отеческие наставления. С другой — понимал, что Сергей Сергеевич прав.

Он действительно не смог бы сидеть на стуле и смотреть в монитор. Это убило бы его быстрее любой пули.

— Спасибо, — сказал он наконец.

— Не за что. Удачи тебе, парень. И подумай над тем, что я сказал.

Дима забрал папку, кивнул и вышел.

Второе место было в офисе — компания по продаже стройматериалов, требовался менеджер по работе с клиентами. Объявление обещало «обучение, карьерный рост, дружный коллектив». Дима пришёл по адресу, поднялся на третий этаж, где в тесной приёмной сидели ещё трое соискателей. Ждал сорок минут, глядя в стену. Потом его пригласили.

Менеджер по персоналу — молодая женщина в очках и с идеальной укладкой — профессионально улыбнулась, пробежала глазами по его резюме и тут же перестала улыбаться.

— Дмитрий, скажите, а почему вы ушли из военного института?

— Семейные обстоятельства, — снова сказал Дима.

— Понимаю. Но для нашей вакансии требуется хотя бы среднее специальное образование. Менеджер по продажам работает с документами, с базами данных. У вас, я вижу, только школьный аттестат и военная подготовка. К сожалению, мы не можем вас рассматривать. Извините.

— А обучение? В объявлении было написано «обучение».

— Обучение проводится для тех, кто соответствует базовым требованиям. У вас, к сожалению, их нет. — Она вернула ему папку и добавила, чуть смягчившись: — Попробуйте поискать что-нибудь попроще.

Дима молча взял документы и вышел. «Что-нибудь попроще». Эти слова жгли, как пощёчина. Он, лучший курсант потока, которого прочили в спецназ, теперь должен искать «что-нибудь попроще».

Третье собеседование было в крупном сетевом магазине электроники. Вакансия — продавец-консультант. Требовались активные молодые люди, готовые обучаться. Опыт не обязателен. Он позвонил, и ему назначили встречу в тот же день. Это давало надежду.

В магазине пахло пластиком и новыми гаджетами. Яркий свет, стеклянные витрины, ряды телевизоров, которые транслировали один и тот же рекламный ролик. Дима подошёл к стойке информации, назвал своё имя, и его проводили в служебное помещение — тесный кабинет с пластиковым столом и стулом, на котором уже сидел менеджер, мужчина лет тридцати, в брендовой футболке и с бейджилом «Артём».

Артём держал в руках его резюме и, кажется, еле сдерживал улыбку.

— Хотите устроиться консультантом?

— Да, — ответил Дима ровно. — Я готов обучаться.

— Обучаться... — Артём откинулся на спинку стула, вертя в пальцах ручку. — Слушайте, ну вы же понимаете, как это выглядит? Военный институт — и вдруг продавцом. Выгнали, что ли?

Дима почувствовал, как внутри всё закипает, но заставил себя сохранять спокойствие.

— Я отчислился сам. По семейным обстоятельствам. Это указано в документах.

— Да, да, «семейные обстоятельства», — Артём хмыкнул. — Ну, знаете, нам нужны сотрудники, которые могут работать с людьми. У вас вообще есть опыт общения с клиентами? Вы же там, в своём институте, только и делали, что маршировали да из автомата стреляли.

— Я научился дисциплине, ответственности и умению сохранять спокойствие в сложных ситуациях, — произнёс Дима, хотя в висках уже стучало.

Артём усмехнулся, положил ручку на стол.

— Я вам честно скажу. У нас тут коллектив молодой, динамичный. А вы... вы слишком серьёзный. Слишком правильный. Будете ходить с каменным лицом, клиентов распугивать. Да и вообще — человек, который с военного института уходит в продавцы... это как-то странно.

То ли вы неудачник, то ли что-то скрываете. Я бы на вашем месте искал работу по профилю. Ну, знаете, охрана или что-то такое.

Дима встал. Взял свою папку со стола. Руки были спокойны, хотя внутри бушевал ураган.

Проходя через торговый зал, он видел, как продавцы — такие же молодые парни и девушки — провожают его взглядами. Кто-то, наверное, слышал разговор, но ему было всё равно.

На улице он остановился, вдохнул холодный воздух полной грудью и закрыл глаза. Унижение жгло изнутри, и он дал себе минуту — просто постоять, переварить, отпустить.

«Ничего, — подумал он. — Попробую ещё».

Он убрал зажигалку, поправил воротник куртки и пошёл в сторону дома. До встречи с Ваней оставалось ещё несколько часов, нужно было перекусить и привести мысли в порядок.

Глава 6

Глава 6. Встреча

Кафе «Старая мельница» оказалось заведением, куда не ходят случайные прохожие. Оно пряталось в полуподвале старого кирпичного дома, и единственной вывеской была потускневшая деревянная табличка над дверью. Внутри пахло жареным луком и прокисшим пивом. Тусклые лампы под пыльными абажурами, потёртые диванчики, барная стойка, за которой скучал немолодой бармен, протиравший один и тот же стакан уже, кажется, целую вечность.

Дима пришёл первым. Выбрал столик в углу, откуда просматривался весь зал и входная дверь. Заказал чай, но так к нему и не притронулся. Кружка остыла, пока он сидел и смотрел на дверь.

Ваня появился с опозданием на двадцать минут. Он вошёл, огляделся, заметил Диму и двинулся к столику. Одет он был небрежно: мягая рубашка, старая куртка, щетина на щеках. Глаза красные, воспалённые — то ли от недосыпа, то ли от выпитого.

— Сидишь, — сказал он вместо приветствия и тяжело опустился на стул напротив. От него пахло табаком и чем-то сладковатым — кажется, коньяком.

— Вы уже начали, — заметил Дима, кивнув на его покрасневшее лицо.

— Начал, — согласился Ваня и подозвал официантку. — Сто грамм бренди. Нет, двести.

— Я не пью, — сказал Дима.

— А я пью, — Ваня усмехнулся, но усмешка вышла горькой.

Официантка принесла заказ: две пузатые рюмки с коньяком. Ваня взял рюмку, поднёс ко рту, но рука его дрогнула — то ли от выпитого ранее, то ли от нервов. Рюмка качнулась, сорвалась с пальцев и полетела вниз. Но Ваня среагировал мгновенно — без паузы, без малейшего промедления. Его правая рука метнулась вниз, перехватила рюмку у самого пола, в каких-то сантиметрах от плитки, и плавно, без всплеска, вернула на стол. Движение было неуловимо быстрым и при этом скупым, экономным — так двигаются не пьяницы, а люди, прошедшие специальную подготовку.

Дима, который уже привстал, чтобы помочь, замер.

— Вот это реакция, — сказал он, глядя на Ваню с новым интересом.

Ваня замер на мгновение, потом выпрямился и небрежно махнул рукой:

— Старая школа, — пробормотал он, отводя глаза.

Но про себя Дима уже отметил: пьяный, трясущийся от страха дядя Ваня только что показал реакцию, которой позавидовал бы спецназовец. Это не просто «старая школа» — это боевая подготовка. И она явно была куда серьёзнее, чем стандартный курс молодого следователя.

— Дядь Вань, вы же знаете, что я не отстану, — сказал Дима тихо, но твёрдо. — Вы знаете, что случилось с отцом. Я хочу знать правду.

Ваня хмыкнул.

— Правда — это такая штука, которая никому не нравится. Твой отец тоже хотел правды.

— Поэтому я здесь. — Дима достал из сумки книгу и положил её на стол. Потёртый синий переплёт, пожелтевшие страницы, штамп библиотеки на форзаце. Ваня уставился на неё, и лицо его медленно изменилось: он узнал книгу, и от этого узнавания его щека нервно дёрнулась.

— Откуда она у тебя? — спросил он севшим голосом.

— Нашёл в кабинете отца. — Дима раскрыл книгу на странице, где отец писал: «36», «71», «Тобольск», «Дело № 78». — Смотрите. Что это за дело?

Ваня молчал. Он смотрел на книгу, и на его лице боролись страх и что-то похожее на отчаянную решимость. Потом он взял вторую рюмку. Выпил. Поставил её на стол слишком резко, и она звякнула.

— Семьдесят восемь дробь сорок четыре... Нет, погоди. — Он вдруг осёкся, словно осознав, что сказал вслух. Глаза его расширились.

— Семьдесят восемь дробь сорок четыре, — чётко повторил Дима. — Что это?

Ваня выдохнул и закрыл лицо ладонями. Плечи его опустились. Он просидел так несколько секунд, потом убрал руки и посмотрел на Диму — с какой-то усталой обречённостью.

— Всё, — сказал он тихо. — Теперь ты точно не отстанешь. Это уголовное дело. Нераскрытое. 1976 год, банда под Тобольском. Твой отец наткнулся на него случайно, когда искал что-то другое. А когда зацепился — уже не смог остановиться.

— Почему? Что там такого?

— Я не знаю точно, — Ваня потёр виски. — Он не всё мне рассказывал.

— И что дальше?

Ваня снова потянулся к рюмке, но она была пуста. Он жестом попросил официантку повторить, но Дима перехватил его руку:

— Сначала ответьте.

Ваня посмотрел на его руку, потом на него и усмехнулся.

— Он поднял старые архивы, нашёл свидетелей. И чем глубже он копал, тем опаснее становилось. Ему начали угрожать. Но он был упрямый, ты же знаешь.

— Кто его убил?

— Не знаю, — Ваня покачал головой. — Те, кто убрал твоего отца, могут добраться и до тебя. И до меня. И до всех, кто слишком много знает.

— Кто «они»? — Дима наклонился вперёд. — Вы знаете, кто за этим стоит?

— Нет. И не хочу знать. — Ваня посмотрел ему в глаза. — Дима, я прошу тебя: остановись. Твой отец ввязался в опасную игру, когда взялся за это дело. Он думал, что справится. Не справился. Ты хочешь, чтобы твоя мать получила ещё один гроб?

Дима откинулся на спинку стула. Вот оно. Вот подтверждение того, что он подозревал. Отца убрали люди, которые не хотели, чтобы правда о деле № 78/44 вышла наружу.

— Я не отступлю. Это мой отец. И я узнаю правду.

— Дурак ты, — Ваня покачал головой, но в голосе его не было осуждения — только горечь. — Такой же дурак, как он. Ладно. Я сказал тебе всё, что мог. Больше не проси.

Дима помолчал. Он думал о том, стоит ли говорить. Но мысль, которая сидела в нём с похорон, не давала покоя. Он должен был спросить. Даже если это прозвучит дико.

— Дядь Вань, — сказал он тихо. — Я хочу спросить одну вещь. Только не перебивай.

Ваня поднял на него усталые глаза.

— Ну?

— Гроб был лёгкий.

Ваня замер. Его лицо, и без того бледное, стало серым. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Дима не дал ему:

— Я нёс его. Я чувствовал. Он был слишком лёгкий. Не как тело. Как... как что-то пустое. И ты отвёл глаза. Я видел.

Ваня молчал. Он смотрел на Диму, и в его глазах боролись страх и что-то ещё — что-то тёмное, похожее на стыд.

— Ты понимаешь, что ты говоришь? — произнёс он наконец, и голос его был глухим. — Ты понимаешь, что ты предлагаешь? Ты хочешь... что? Вскрыть могилу?

— Я хочу знать правду.

— Это не правда. Это безумие. — Ваня подался вперёд, и в его голосе впервые за весь вечер появилась твёрдость. — Ты хочешь выкопать отца? Ты хочешь, чтобы твоя мать узнала, что сын не верит в смерть её мужа? Ты хочешь надругаться над его памятью?

— Я не...

— Ты не думаешь! — Ваня ударил кулаком по столу, и рюмка подпрыгнула. — Ты не думаешь ни о матери, ни о сестре, ни об отце. Ты думаешь только о себе. О своей паранойе. О своих подозрениях. А знаешь, что будет, если ты это сделаешь? Ты уничтожишь всё. Всё, что осталось от твоего отца. Всё, что осталось от вашей семьи. Ты превратишь его память в грязь. И ради чего? Ради того, что тебе показалось, что гроб лёгкий?

Дима молчал. Он смотрел на свои руки, сжатые в кулаки, и чувствовал, как внутри всё горит. Ваня прав. Ваня чудовищно, невыносимо прав. Если он вскроет могилу — это конец. Для матери. Для Веры. Для всего.

— Я не буду этого делать, — сказал он наконец, и голос его был ровным, хотя внутри всё дрожало. — Ты прав. Это безумие.

Ваня выдохнул и откинулся на спинку стула. Он выглядел опустошённым.

— Прости, — сказал он тихо. — Я не должен был кричать. Просто... просто это слишком. Даже для меня. Даже для тебя.

— Я понимаю.

— Ни черта ты не понимаешь. — Ваня покачал головой. — Но это неважно. Просто... оставь это. Оставь гроб. Оставь могилу. Если хочешь искать правду — ищи. Но не там. Не в земле.

Дима кивнул. Он не сказал, что мысль о гробе никуда не ушла. Что она всё ещё сидит внутри, как заноза. Что он вернётся к ней. Когда-нибудь. Когда найдёт другие ответы. А пока — он пойдёт другим путём. Дело отца. Книга. Пометки. Вот где была правда. Не в могиле. В бумагах. В словах.

Иван встал и бросил на стол смятую купюру.

— Дима, — сказал он, и в его голосе на мгновение мелькнуло что-то человеческое. — Будь осторожен. Пожалуйста. Твой отец не хотел, чтобы ты повторил его судьбу.

Не прощаясь, он пошёл к выходу.

Дима остался сидеть. Он смотрел на дверь, за которой скрылся Ваня, и думал. Мысль о гробе никуда не ушла. Она просто спряталась. Забилась в дальний угол сознания и ждала своего часа. Но Дима знал: он вернётся к ней. Не сейчас. Может быть, через месяц. Может быть, через год. Но вернётся. Потому что лёгкий гроб — это не совпадение. Это деталь. А детали — это то, из чего складывается правда. Отец учил его этому. Давно, ещё в детстве, когда они чинили «Жигули» и искали, почему двигатель троит. «Смотри на мелочи, сынок. Большое всегда начинается с малого».

Он достал из сумки книгу отца, посмотрел на пометки, на стрелки и круги, на слова «если ты это читаешь, значит, меня нет». Потом закрыл её, убрал обратно и допил остывший чай.

Дело № 78/44. Тобольск. 1976 год. Это был след, и Дима собирался идти по нему до конца. Несмотря ни на какие предупреждения. Несмотря ни на какой страх. Потому что теперь это было не просто расследование. Это было дело его жизни. И смерти его отца.

Он найдёт ответы. Даже если для этого придётся перевернуть всю страну. Даже если для этого придётся стать тем, кем он никогда не хотел быть. Он найдёт.

Дима рассчитался и вышел в ночь. Дождь кончился. Небо было чистым, и где-то высоко, за пеленой городских огней, угадывались звёзды. Он посмотрел на них и вспомнил отца. Как они сидели у костра на рыбалке, пили чай из термоса и смотрели на звёзды. Отец говорил: «Там, среди этих звёзд, есть ответы на все вопросы. Рано или поздно мы до них доберёмся».

Вскоре Дима всё-таки устроился в магазин. Не в тот, где над ним насмехался Артём, а в другой — поменьше, попроще, в спальном районе. Магазин электроники «ТехноГалакси»

располагался на первом этаже жилого дома и торговал всем подряд: телефонами, наушниками, чехлами, батарейками, переходниками. Хозяин, пожилой армянин по имени Давид, взял его без лишних вопросов. «Вижу, парень крепкий, неглупый. Будешь работать — будешь получать. Не будешь — уйдёшь». Диму это устраивало.

Работа оказалась несложной, но выматывающей. Он приходил к девяти, вставал за прилавком, консультировал покупателей, пробивал чеки, следил, чтобы товар не воровали. К шести вечера ноги гудели, голова раскалывалась от духоты и бесконечных вопросов. «А этот телефон водонепроницаемый?» «А почему наушники не подключаются?» «А у вас есть такой же, но с перламутровыми вставками?» Он отвечал ровно, спокойно, как робот. Давид был доволен: покупатели не жаловались, выручка не падала.

Но внутри у Димы была пустота. Каждый вечер он возвращался домой, ужинал, проверял почту — листал объявления. Дело отца не двигалось. Следовательно, который его вёл, отвечал на звонки односложно: «Ведётся проверка», «Новых данных нет», «Мы работаем». Мать звонила в управление, но её вежливо посылали. Дядя Ваня не брал трубку. Книга отца лежала под подушкой, и Дима перечитывал её по ночам, пытаясь найти новые зацепки, но их не было. Всё его расследование упиралось в глухую стену, даже не успев начаться.

Однажды в магазин зашёл покупатель. С виду — обычный мужик, лет сорока, в дорогой куртке, с золотой цепью на шее. Он долго крутил в руках наушники, потом подошёл к кассе.

— Сколько?

— Тысяча двести, — сказал Дима.

— Тысяча двести? — мужик скривился. — Да я такие на рынке за пятьсот брал.

— Цена фиксированная, — ровно ответил Дима. — Если на рынке дешевле, можете купить на рынке.

— Ты чё, дерзишь? — мужик шагнул ближе, навис над прилавком. — Ты кто такой, щенок, чтобы мне указывать?

Дима смотрел на него. Он мог бы одним движением вывернуть ему руку, уложить лицом в прилавок и вызвать охрану, но он не мог. Он стоял за прилавком и должен был вести себя вежливо.

— Извините, — сказал он, сжимая зубы.

— Вот так-то, — мужик хмыкнул, бросил наушники на прилавок и ушёл, даже не купив. Дима смотрел ему вслед и чувствовал, как внутри закипает ярость — не на этого хама, а на самого себя. Он, лучший курсант потока, стоит здесь и глотает унижения от какого-то быдла. Зачем? Ради денег. Ради семьи. Но деньги были копеечными, а унижения — ежедневными.

Вечером он шёл домой и думал, что так продолжаться не может. Магазин — не его тема. Ему нужна другая работа. Та, где он сможет использовать свои навыки. Где он сможет быть полезным. И тут он вспомнил: отец когда-то говорил, что в их городе есть институт полиции. Тот самый, куда он когда-то хотел направить сына. Дима тогда отказался наотрез: «Не хочу быть ментом». А теперь, похоже, судьба сама вела его по отцовским стопам.

Он подал документы. Прошёл медкомиссию, сдал нормативы. Физподготовка была смехотворной после военного института: он пробежал кросс быстрее всех, подтянулся больше всех, отжался так, что проверяющие переглянулись. Экзамены тоже не вызвали трудностей: он знал и право, и историю, и русский. Всё было идеально. Он прошёл.

А потом ему отказали.

Это было странно. Никаких объяснений, никаких причин. Просто письмо: «Настоящим письмом сообщаем, что по результатам рассмотрения Вашего личного дела и прохождения вступительных испытаний принято решение об отказе в допуске к дальнейшему участию в конкурсе». Дима позвонил в приёмную комиссию, но ему ответили стандартно: «Конкурс большой, вы не прошли по баллам». Он знал свои баллы и знал баллы прошедших — он был выше. Значит, дело было не в баллах.

Мать, узнав об отказе, всплеснула руками:

— Как не прошёл? Я позвоню Владимиру Андреевичу.

— Долгову?

— Да.

Генерал-майор Долгов был хорошим знакомым отца Димы, он же был и начальником института, куда поступал Смирнов. Он мог помочь.

Она позвонила. Ей ответили сухо: «Владимир Андреевич занят». Она позвонила ещё раз, потом ещё. Наконец Долгов сам взял трубку. Разговор был коротким, и мать вышла из комнаты бледная.

— Он сказал, что ничем не может помочь. Сказал, что приказ пришёл сверху. Что это не его решение.

— Сверху? — Дима нахмурился. — Какой приказ? Кто мог дать такой приказ?

— Не знаю. Он не объяснил. Извинился и повесил трубку.

Дима сел. Это не укладывалось в голове. Кто-то вставлял ему палки в колёса? Кому он помешал? Ни один вариант не приходил в голову. Но этот кто-то достаточно влиятелен, чтобы дотянуться до генерала полиции.

Прошло три недели. Октябрь сменился ноябрём — серым, слякотным, с ледяным ветром, который задувал в щели и выстужал квартиру, сколько ни включай обогреватель. Дима жил на автомате. Подъём в семь, душ, чай без сахара, автобус до работы. Магазин. Прилавок. Покупатели. Касса. Вечером — автобус обратно, ужин, молчание. Мать смотрела на него с тревогой, но ничего не говорила: она видела, что он и так на пределе. Вера пыталась шутить, но шутки повисали в воздухе и гасли, как спички на ветру.

Он почти не спал. Лежал ночами, глядя в потолок, и думал об одном и том же: дело отца замерло, поступление провалилось, работа — тупик, перспектив нет. Он чувствовал, как внутри что-то гаснет — не воля, не упрямство, а та искра, которая раньше заставляла его вставать по утрам и идти вперёд. Теперь он вставал по утрам, шёл на работу, дышал, потому что надо.

Ночью он лежал без сна. Слушал тишину. В комнате было темно. Только слабый свет уличного фонаря пробивался сквозь щель в занавеске и рисовал на стене бледную полосу.

Мысли крутились в голове, как заевшая пластинка.

«Ты мог бы сейчас быть в институте. Спать в казарме, ходить на построения, грызть гранит тактики. Через три года — лейтенантские погоны. Через пять — своя часть, свой взвод, своя жизнь. Ты бы не сидел здесь, в этой комнате, не смотрел в потолок».

Он вспомнил Костика. Рыжего Серёгу. Капитана Лаврова, который говорил: «Такие, как вы, нужны армии». Григорьева, который дал ему блестящую характеристику. Всех, кого он оставил там. Всех, кто остался.

«А кто ты здесь? Ты ушёл из института, чтобы найти правду. И что ты нашёл? Боль. И кучу вопросов, на которые нет ответов».

Дима перевернулся на бок. Зажмурился. Но голос не умолкал.

«Ты не можешь вернуться. Написать рапорт. Попросить восстановления. Григорьев бы не взял. Он говорил, что рапорт можно отозвать. Пока нет приказа. А приказ уже был».

Он вспомнил мать. Как она стояла на пороге и крестила его. Как сказала: «Будь осторожен. Я не переживу, если потеряю ещё и тебя». Он вспомнил Веру. Как она обняла его и не хотела отпускать.

«Может, попробовать вернуться? — подумал он. — Может, хватит? Может, я не создан для этого?»

Эта мысль была настолько чужой, настолько неправильной, что Дима даже сел на кровати. Он никогда не думал о возвращении. Ни разу за все эти недели. Он всегда шёл только вперёд. А теперь — думал. И это было хуже всего.

Он встал. Подошёл к окну. Отодвинул занавеску.

Дима думал о том, что не знает ответов. Теперь не знает, правильно ли он поступил. Не знает, что было бы, если бы он остался. Не знает, найдёт ли он когда-нибудь то, за чем пришёл. Он не знал ничего. И это незнание давило на него, как камень.

Но где-то глубоко, под слоем сомнений, было что-то ещё. Что-то, что не давало ему уйти. Что-то, что заставляло его оставаться. Может быть, упрямство. Может быть, гордость. А может быть, память об отце. О том, как он сидел на кухне и говорил: «Проигрыш — это не позор. Позор — это когда ты не вышел на бой».

Дима закрыл занавеску. Вернулся на койку. Лёг. И, глядя в потолок, сказал себе: «Я не останавлиюсь. Не сейчас».

Однажды вечером, когда он вернулся с работы особенно вымотанным, он сел на кровать, не раздеваясь, и устался в стену. Мыслей не было. Была только пустота, вязкая, как болото.

Зазвонил телефон.

Он посмотрел на экран. Номер был незнакомым. Обычно он не отвечал на такие — за три недели ему уже дважды звонили из коллекторских агентств по какой-то чужой задолженности, — но в этот раз палец сам скользнул по экрану.

— Алло.

— Дмитрий Смирнов? — голос был мужской, спокойный, с той особой интонацией, которая бывает у людей, привыкших говорить коротко и по делу.

— Да. Кто это?

— Моё имя Александр. Мы виделись на похоронах вашего отца.

Дима выпрямился. Сонливость и апатия слетели мгновенно, будто их смыло ледяной водой. Он вспомнил: кладбище, дождь, высокий человек в тёмном пальто, который назвал отца боевым товарищем и исчез прежде, чем Дима успел задать вопросы.

— Понял.

— Хочу поговорить с вами о работе.

— О работе? Вы, наверное, не знаете, но я уже работаю.

— Продавцом в магазине электроники? Вполне себе работа.

— Откуда вы...

— Я знаю, где вы работаете, — перебил Александр, и от этого «знаю» у Димы по спине пробежал холодок. — Я также знаю, что вы пытались поступить в институт полиции и вам отказали. Знаю, что дело вашего отца спустили на тормозах. И знаю, что вы — лучший курсант своего потока, который до сих пор висит на доске почёта в военном институте, потому что ваш начальник курса, полковник Григорьев, дал вам блестящую характеристику.

Дима молчал. В трубке было тихо, только лёгкое шипение помех.

— Кто вы? — спросил он наконец.

— Это не телефонный разговор. У меня есть для вас работа, которая потребует полной отдачи и абсолютной конфиденциальности. Вы должны будете держать язык за зубами, делать то, что вам говорят, и не задавать вопросов. Взамен — ваша семья будет обеспечена. И вы получите ответы на те вопросы, которые вас мучают.

Дыхание спёрло. Дима сжал телефон так, что побелели пальцы.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Понимаете.

В комнате стало очень тихо. Дима молчал, потому что не знал, что ответить. Этот человек знал всё. Кто он? Друг? Враг? Следит ли он за ним? Или, наоборот, хочет помочь?

— Подумайте до завтра. Я перезвоню.

Дима бросил телефон на кровать и замер. В дверях появилась мать. Она смотрела на него с тревогой — видимо, слышала обрывки разговора.

— Кто это был?

— Какой-то Александр, — ответил он рассеянно. — Говорит, что знал отца. Предлагает работу.

Мать нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Александр?

— Да. Ты его знаешь?

— Нет, — она покачала головой. — Никогда о таком не слышала. И отец никогда о нём не говорил. Может, это мошенники?

— Может, — согласился Дима. Но внутри у него зудело другое чувство: этот человек не был мошенником. Мошенники так много не знают. Мошенники не могли знать о характеристике от полковника Григорьева.

Мать ушла к себе. Дима остался один. Он сидел на кровати в темноте, не зажигая свет. За окном шуршал дождь. На душе было странно: усталость никуда не делась, но сквозь неё начало прорастать что-то ещё. Что-то похожее на давно забытое чувство. Надежда? Или просто любопытство?

Он снова взял телефон и набрал номер, с которого звонил Александр.

«Набранный вами номер не существует», — произнёс механический голос.

Он набрал ещё раз. «Набранный вами номер не существует».

Дима убрал телефон. Этого не могло быть. Ему только что звонили с этого номера. Александр, его голос, слова были реальны, но номер, с которого он звонил, исчез — будто его никогда не существовало.

Вот теперь внутри что-то окончательно перевернулось. Дима встал, прошёлся по комнате. Он думал о том, что сказал Александр. «Ваша семья будет обеспечена. Вы получите ответы». Может быть, это шанс? Может быть, тот самый шанс, которого он ждал, сам того не зная.

Глава 7

Глава 7. Разговор

Дима встал в семь, хотя сегодня у него была смена с десяти. Мать уже ушла — она работала с восьми. Вера ещё спала. Он умылся ледяной водой, долго стоял, глядя на себя в зеркало. Под глазами залегли тени, взгляд тяжёлый.

Он оделся, взял сумку, проверил телефон — никаких пропущенных. Вышел в коридор, запер дверь и спустился по лестнице. В подъезде пахло сыростью и вчерашним табаком — сосед с третьего этажа, как всегда, курил на лестничной клетке. Дима толкнул входную дверь, шагнул наружу — и замер.

У подъезда стоял Александр.

Он стоял, как тогда, на кладбище: прямой, спокойный, с непроницаемым лицом, и держал в руке закрытый зонт. Он не выглядел замёрзшим, хотя наверняка ждал уже какое-то время.

— Доброе утро, Дмитрий, — сказал он, и пар от его дыхания смешался с туманом.

Дима замер на месте. Он ожидал чего угодно — ещё одного звонка, может быть, письма по электронной почте. Но не этого. Не человека, который стоит у его подъезда ранним утром.

— Вы... — начал Дима, но Александр его перебил.

— Нужно кое-что обсудить.

— Откуда вы знаете мой адрес? — Дима шагнул вперёд, невольно сжав кулаки. — Следили за мной?

Александр не шелохнулся. Он продолжал стоять спокойно, не вынимая рук из карманов пальто.

— Я знаю о вас многое, Дмитрий. Это моя работа. И я здесь не для того, чтобы вам угрожать. Наоборот. Я здесь, чтобы помочь.

— Помочь? — Дима не понимал.

— Отказ в институте полиции — моя работа. Вы должны были оказаться здесь, а не в казарме. И вы здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.